

Легенди з Хітарського збірника

(1-ої пол. XVIII в.),

подав Володимир Гнатюк.

Минулого року був надрукований в Записках [Записки Наук. Тов. і. III. т. X, Miscellanea „Інтересний збірник з с. Хітаря стрийського пов.“ ст. 7—14] докладний опис отього збірника, до которого нині приходить ся мені знов повернути. Збірник написаний в першій половині XVIII в., найпізнійше 1743 р. містить в собі „Александрию“, себ то звісне оповідане про життя, діяльність і смерть Александра Македонського, що займає більшу часть збірника, і девять легенд, з котрих остання не перехована в цілости. Заголовки тих легенд в скороченю такі: 1. Про царя, що ходив красти. 2. Слово про покуту. 3. Про конечність відбутя мук на сїм або на другім сьвітї. 4. Про рицаря і смерть. 5. Про царя Йовияна. 6. Про розбійника Давида. 7. Про розбійника Флавіяна. 8. Про ангела і пустельника. 9. Про патріярха Терентия (не докінчене). Позіставляючи Александрию на пізнійший час до опублікованя, нині подаю легенди, думаючи, що вони не будуть без інтересу для тих, що займають ся нашою літературою.

Згадані легенди не були у нас ще друковані з виїмкою одної — „Рицарь и смерть“, що вже два рази видавав властитель друкарні в Коломиї М. Білоус в крейцаровій бібліотеці для народа. Варіант Білоуса зближений вельми до легенди хітарської; ріжниця між ними заходить лиш така, що остання обширнійше і живійше представлена; редакція однакож і варіанту Білоусового і хітарського є одна. Я долучую тут ще третій варіант, записаний мною на Угорській Русі, що представляє цілком иншу редакцію. По-

чаток в нїм зближений до казки, де смерть запрошена в куми до бідака — котрого всі задля бідности відцурали ся, не хочаючи навіть при хресті потримати дитини — учинила його богачем, даючи йому дар уздоровлюваня всіх хорих, від котрих иньші лікарі відступили. Ту дає смерть бідакови чудесний ніж, за те, що її поклонив ся; від того ножа гинуть всі, скоро лиш його побачать. Щоби викупити ся від смерти, признають люди бідака царем. Бідний стрілець випрошує ся: де йому царем бути? З клопоту висвободжує його якийсь панок, що приймає на себе обовязок царюваня, а стрільцєви в заміну дає такі багатства, що він може „в молоді купати ся“. Стрілець збогатівши так ненадїйно, стратив голову і почав вести незвичайно гуляще життя.

Звідси доперва починає ся властива легенда про рицаря і смерть. Рицарь (літер) прибравши собі за йнаша молодшого свого брата, що давнійше жив ще в гіршій біді як старший, їде в поле і ту здибає ся — в дуже трагічним положеню — з смертю. Момент сей цілковито відмінний від такогож в легенді хітарській, де рицар умисно вибирає ся в дорогу, щоби найти смерть і з нею попробувати ся. Кінець ві всіх варіянтах вже подібний, хоть в одних ширший, в других коротший: Рицар пробує бороти ся з смертю, але не годен нічого вдїяти супроти її сили. Мусить вмирати такою на поли, а лиш його инаш вертає до дому, щоби занести сумну звістку про смерть пана...

Ще й до другої легенди є у мене варіант записаний з народних уст. Маю ту на думці легенду „Про царя, що ходив красти“, надруковану вже в Житю і Слові, записану від господаря Прохвата в тім самім Хітарі, відки походить й рукописний збірник. Оба варіанти належать до одної редакції. Бути може навіть, що варіант рукописний дав початок устному; можливе се не лиш з огляду на спільну місцевість походження обох варіантів, але й з огляду на форму устного, що показуєсь немов витягом рукописного. Ріжницї між ними такі:

Варіант рукописний: Мудрець радить царєви, щоби йшов красти одної ночі, коли хоче дальше жити. Цар слухає і в ночі виходить на місто, де здибає ся з заводовим злодійом. Они знаймаляють ся і присягають, що оден другого не зрадить. По сїм радить цар-злодій своєму товаришови удати ся на царський замок і там поповнити крадіж. „Льоальний“ товариш дає царєви за таку раду по „челюсти“, по чім затыгає його до маршалка, котрого варта було обікрасти, бо він „злий, людей дреть и кроля не бойть“. У маршалка було ще сьвітло. Злодій стає царєви на плечі, підно-

сять ся до вікна і вислухує, як маршалок радить ся жінки, яким чином царя згладити. Оповідасе се цареві, потім міняють ся за шапки, щоб могли пізнати ся і розходять ся. Другого дня пізнає цар злодія в костелі, бере його до себе і йде з ним на гостину до маршалка, що мусить сам вихилити чашу зладжену цареві. Жінку маршалка цар каже розірвати кіньми, злодія же іменує маршалком.

Варіант устний: Три ночі приходить ангел до царя і звиває його, щоб він шов красти. За третім разом цар йде. На дорозі здибає злодія і разом з ним випадково підходить під вікно міністра. Злодій стає цареві на плечі і слухає, що в середині говорять, але не розуміє, бо розмова німецька. На його місце йде цар і вислухує змови, не виявляючи її однакж злодійови. Помінявши ся за шапки, розходять ся. Цар іде на бал до міністра сам і каже йому випити для себе зладжену чашу. Пізнійше устроює у себе бал; на нього приходить злодій, а цар робить його міністром.

Варіант устний пізнійший від рукописного, бо натякає вже на відносини австрійські, чого в другім зовсім нема. Се відріжнює його також від сього останнього.

До інших легенд я ані не записав варіантів, ані не найшов в українсько-руських збірниках, тому не можу їх порівнати, як дві повиспі.

Порядок, в якім наступають по собі легенди, можна вправді було змінити на инший, що навіть може було би раціональнійше, але я уважав за добре заховати його таким, яким він є в збірнику. Змін в мові і правописи не робив я жадних; за те змінив я інтерпункцію на сучасну, позамінював малі букви великими, де заходила потреба і навідворіть, порозділював одні слова від других і розв'язав кілька слів — бо їх дуже мало було — назначених титлами; пояснене деяких виразів дано в скобках.

При порівнанню мови легенд з мовою наших публікацій видаваних сто літ пізнійше (а деяких ще тепер), показуєсь, що она далеко краща як в останніх, що она сильно закрашена виразами, зворотами чисто-народними, котрі й доси переховались в устах наших Бойків [збірник між ними писаний]. З цілого збірника пробиваєсь дуже виразно змагання до введення в літературу мови народної; се річ дуже важна супроти загально розширеної у нас думки, що змагання сі появились доперва в нашій віці, а ціла література давнійша писана мовою далекою від народної. Думаю тому, що легенди отсі починають ся і до усунення подібної

гадки, даючи собою материял языковий, не тільки що зацікавлять наших етнографів і прихильників наших памяток літературних.

Вкінці уважаю своїм обовязком зложити на сім місци мою щиру подяку д-рови Іванови Франкови так за вказаня, як і за поданє деяких парאלель до легенд.

I.

Повѣсть о единомъ королѣ, который ходилъ со злодѣемъ в ночи красти. Если бы был красти не пошол, то бы был изгинулъ злою смертію.

Былъ¹⁾ нѣко[то]рый крол' барзо добрый, былъ до людей. Тому королевѣ повѣлъ еденъ мудрецъ: Кролю найяснѣйш[і]й! Сей ночи если ты не пойдешъ красти, то назаранъ (до рана) злою смертію погинешъ. Слышавши то кроль почудовалъ ся тому, а потомъ уснулъ по обѣдѣ. И приснилъ ся ему сон: Кролю найяснѣйшій! если ты хочешъ свое здорова заховати, идиш ты сей ночи красти; а если не пойдешъ, то злою смертію погинешъ. Кроль пробудивши ся, здумѣлъ ся велми. И мыслить самъ собѣ: Боже милый! що бы то мало быти? если то такъ, волю я пойти красти, нѣжли злою смертію погинути. И не повѣдал то никому, а коли было у твердый²⁾ первосны, зняли кроля гатки, неможег' спати. Потомъ коли пѣснули ушитки, уставши крол'³⁾, оубравши ся по хлопскій, тилко королевскую дорожную шапку узялъ на себе й выйшолъ из города потаємнымъ выходомъ и пошолъ на мѣсто и сталъ ходити по межи крамнийцѣ, где бы мавъ що украсти. И ту знайшолъ чоловѣка. Чоловѣкъ также увѣдивши чоловѣка, збояв ся. А то былъ также злодѣй. Потомъ крол потиху рекъ: Кто ты ест? и що за человекъ? А злодѣй рекъ: А ты хто ест? Крол рекъ: я злодѣй. Почувши то злодѣй, радъ былъ велми и пришолъ близъ и рече: И я естемъ злодѣй. Просту ты, брате, буд'ме собѣ товаришѣ. А крол рекъ: добре, брате, я товаришеви барзо радъ. И дали собѣ руки и присягли, еденъ другаго незрадити, але вѣрне жити. И ходили оба⁴⁾ помежи крамнийцѣ, хочачи якую vybrати. Але были твердо позамыка[н]ы, не могли ничего

¹⁾ В гірських говорах вимовлюєся се слово „бну“ с твердим „н“.

²⁾ „И“ з значком вимовлювало ся очевидно як теперішнє наше „ї“.

³⁾ Такий значок по твердім співзвучу означає його зм'ягчення; треба отже читати „кроль“; деколи заступає він також „ъ“.

⁴⁾ Буква „w“ заступлена всюди буквою „o“.

достати. Рекъ злодѣй: Що маємо чинити, товаришу? Нездобудеме ся ту ничого. Где ся повернемо? А крол рекъ: Не знаєшъ ты що? Ходѣмъ мы до королевского замку; я знаю, куда увойти оу замокъ и знаю єденъ склеп королевскій; и мы тамъ ся здобудеме добре. Слышавши то злодѣй, выпалитъ кроля по челюсти mocno и рече: О злый чловеце! що се ты говоришъ? абы ты недочекалъ живымъ свѣта! то я єго милости королеви, панови своєму, ворогом мавъ быты, а онъ єсть намъ добрый, яко отецъ! Не дай ми то Боже! А кролъ мовчить. Потомъ злодѣй рече: Слухай ты мене, товаришу милый! я тебе поведу, если ты хочешъ; ходѣмъ мы до дому королевского маршалокъ (-маршалка) того пана. Злый, людей дретъ и кроля не бойтъ. Тамъ я знаю скарбъ и тамъ ся здобудеме. И тамъ пойдшли до дому маршалка и увѣдѣли, ано ся свѣтитъ у покой єго. Они пришли тихо, а было вѣкно високо; рекъ єму злодѣй: Милый товаришу! Станъ подъ стѣну, нехай я стану на твои плечѣ и выслухаю, що ту за бесѣда. И такъ сталъ злодѣй на плечѣ кролеви и станеть слухати; ано маршалокъ²⁾ говорити жонѣ своей тые слова: зготовати лютую отрову кролеви со змиевымъ ядомъ; и запрошу кроля заранъ до себе на гостину и насыпаю єму у погаръ тоту трутизну; онъ выпивши, умретъ, а мы будеме над єго скарбомъ паномъ и єго добро поживати. Выслухавши то злодѣй, излѣзъ ис плечи¹⁾ королевых; станеть єго кролъ пытати: що єси, милый товаришу, выслухавъ? А онъ рекъ: злая новина, товаришу! а то заранъ маршалокъ хоче кроля запросити на гостину и отройти єго; такъ ся намовили из жоною своєю. А я не знаю, якъ бы то кролеви сприяти, абы ся стерѣгъ. Слышавши то кролъ, одхнувъ ташко и рече: злая вѣсть, товаришу, на кроля нашего; треба бы то єму сприяти. Знаю, що мавбы от него великую ласку той чловецъ. Рече злодѣй: Даймо покѣй, брате, теперъ и ростайме ся, рекъ злодѣй. Якже ся маємо назаранъ спознати? Дайме собѣ знакъ. А кролъ рекъ єму: Прийди ты, брате, до костела, хіба ся тамъ спознаєме. Рече злодѣй: Если то такъ, товаришу милый, дайме собѣ знакъ. Возми ты на себе мою шапку, а ты мѣнѣ дай свою; и коли будеме завтра оу костелѣ, незнимаймешъ собѣ из головы шапки; то если такъ ся спознаєме. А в томъ ся розышли. Злодѣй пошолъ до дому, а кролъ собѣ пошолъ на полату и лѣгъ спати и мысливъ собѣ: Милый Боже, що то ся хоче на до мною стати от моего слуги? Подобно ми Богъ того злодѣя нагодивъ, хоч мя и по челюсти выпа-

¹⁾ Така форма gen. plur. уживає ся і тепер загално в гірських говорах.

²⁾ Бракує слова „станеть“.

ливъ; лѣпше ми то приятѣль, нѣжли мой слуга. Коли бы ми его завтра познати, нагородивъ бых¹⁾ ему добре за его приязн'. А коли зазоряло, зазвонено до костела, стали ся люде и пан'ство збирати, бо была неделя. По томъ крол' убравши ся, пошол' ис панствомъ до костела; шаты на немъ королевскіе, дорогіе, а шапка цундрава²⁾, барзо старая. И чудовало ся велми все пан'ство тому, що то ся чинить. И самъ маршалокъ дивует' ся, который то хоче кроля отроити. Пришовши крол' до костела, сѣвъ оу крѣслѣ высоко и смотритъ по всѣхъ людей товариша своего. Потомъ якогос' часу не борзо увойшолъ и злодѣй до костела. Станетъ пилно смотрѣти на ким' бы моглъ свою шапку познати. Потомъ посмотритъ на майстатъ королевскій, ано увѣдѣвъ шапку свою на королі. И оубояв ся и мысливъ собѣ: То конечно хтос' то подслухавъ нас оу ночи ис товаришомъ моймъ, що есме бесѣдовали, му дал то королеви³⁾; або мой товаришъ самъ мене удавъ. Потомъ кролъ увидѣвши товариша своего и познавъ его по своей шапцѣ и радъ был' велми товаришеви; и послал' слугъ своихъ, абы его вартовали пил'но. А коли было по службѣ, казалъ крол' просити того чловека за собою до полаты своей на обѣдъ. Хлоп ся збоявъ и мысливъ собѣ: теперь ми горкый обѣдъ. А коли крол войшол оу полату, казалъ оувести до себе и злодѣя; и были тамъ сами два⁴⁾. Рекъ ему крол: не бой ся, товаришу милый! Я днес' кролем', а в ночи былемъ злодѣй. Я ест твой товариш', которого ты по лиці оударивъ. Але я ти тото прощаю. Не бой ся, не гадай ничего злого. Ты ест мой вѣрный приятѣль; едно тя прошу: если то ест' правда, що мя мой маршалок' хоче днес' отровити, будеш от мене великую ласку мати. Тут ся ему злодѣй оу ноги поклонивъ и рекъ: О найяснѣший кролю пане мой, отпущай твоя милость мою злость, бо я розумѣвъ, же тото простый хлопъ зо мною' ходитъ; а то, пане мой, есто правда, иж то твоей милости зготовлено отрову. Але ся не бой, я тебе поражу, якъ маешъ ис тымъ чинити. Потом крол казалъ ему дати шаты дорогіе и посадилъ его попри себе в мѣсто гостя и казалъ ему дати пити. Тутъ ему рече товаришъ: Кролю милый! такова ест на тя порада маршалкова и жоною его, иж то коли тя зазоветъ до себе на гостину, дастъ тобѣ чашу золотую першую. А буде пилно ты

¹⁾ Народ. форма.

²⁾ Подерга.

³⁾ Се мабуть помилка; повинно б бути: и удал то королеви; „удау“ уживае ся тепер в гір. гов. памість „видав“.

⁴⁾ Нар. фор.

просити и[с] своєю панею, абыс ты за ихъ здоровя тую и чашу сподниль. Але ты кролю милый, не слухай ихъ лукавствія, хочбы тебе якъ лестили, але ты его самага пригрози своего злого ворога, що тобѣ изготовалъ, нехай то поживе. А коли крол сидѣвъ оу столу, пришол маршалокъ, станеть кроля просити до своего дому на гостину. Уставши крол пошолъ и оузялъ товариша своего вмѣсто гостя. И коли тамъ сѣлъ крол, станеть теды перед кролем маршалокъ со женою своею, почнуть его вѣщовати розмайтыми словы¹⁾ леснымы, яко вороги лукавыѣ. А товаришъ ему рекъ по тиху: Кролю милый! Если хочъ здоровя²⁾ свое заховати, неслухай ихъ лукавствія. Потомъ маршалокъ оузявши злотый погаръ у руки, поставиль перед кролемъ з лютою трутизною, смертелномъ ядомъ змиевымъ. И поклонивъши ся, станеть его барзо умилно а розмайто просити, абы то за ихъ здоровя й за ихъ любовь тую чашу исполнилъ. А крол оузявши тоту чашу, поставиль еи пред маршалка, станеть говорити, рекучи: Мой маймилший слуго! дякую ти за такую вашу любовь и приязнь противко мнѣ. Але то иначе й не можетъ быти, едно ти мусишъ до мене пана своего перше поклонити за доброе здоровя, а я потомъ поклоню до твоей паний. Рекъ маршалокъ: Кролю милый, не приналежно мнѣ перше от кроля с королевского погара пити, бо то вашей милости насыпано во ймя кролеское. А крол ему рекъ: Юж ты на тоє ничъ не гадай; коли я тобѣ позволяю, мусиш то оучинити, а если бесъ не хотѣвъ, то мой мѣтъ, а твоя шия. Тутъ ся крол на него опаливъ и розказав слугамъ своимъ, застати его от двери, абы не утѣкъ, а самъ рече: Юж ты м[у]сишъ пити, если ты ми вѣрныи слуга, або горло свое утратишъ. Тутъ ся маршалокъ оубоявъ и мысливъ самъ собѣ: Еднако юж мнѣ живому не быти, хоч пити, хоч не пити. Узявши погаръ оу руки с трутизною, сталъ пити не по воли и рече: Оуживай то сама душе, що еси была пану зготовила. То рекъши, выпивъ тоту злую, лютую трутизну, а скоро выпивъ, заразы оупавъ и здохъ и стал ся пукати люто. Вѣдѣвши то кролъ, похвалив небеснаго Бога, а жону его казалъ розволочити конми по полю. И побивъ вороговъ своихъ, а товариша своего учинивъ маршалкомъ. Посадивъ его на вшиткомъ томъ пан'ствѣ, оучинивъ его першимъ по собѣ и шановавъ его барзо пристойне, якъ свое здоровя. И жилъ крол в радости великой оу годности, у щяету, в мѣрѣ, в добромъ покою. Доконалъ живота своего, оумеръ смертию великою, славною, яко крол и мо-

¹⁾ Така форма abl. pl. уживає ся тепер.

²⁾ В рір. гов. всі такі neutra sing. кінчать ся тепер на „я“, а не на „є“.

нарха великій й погребенъ с честію великою. Богу же нашему слава всегда и нинѣ и прісно и во вѣки вѣкомъ амѣнъ.

Паралелі: Житє і Слово. Т. IV. Ст. 172—173. Др. Франко замічує там: Ся казка була в середніх віках вельми популярна в Европі і в старих поемах прикладувалась до Константина В. (старофранцузька поема *Dit de l' empereur Constantin*), то до Карла Великого (старонімецька поема *Carl meinet*)... Казка ся в тій формі, в якій її передає старонімецька поема, послужила основою для моєї драми „Сон князя Святослава“. — Chelchowski, *Powieści i opowiadania ludowe z okolic Przasnysza* ч. I ст. 259—268: O chłopi, co z bidy krad.

*Відміна попередньої легенди передрукована
з „Житя і Слова“.*

Буў йиден царь на свѣті і буў дуже поббжний. До нѣго шчось приходило і клікало: Царьу, іди красти! Али царь ся збудіў, гадаў, шчо сьа йимў снит. Али другойі нѣчи акуратни приходит зноў під вікно і клічи: Ну, царьу, йди красти, бо ўмреш! Царь ся пробудиў, рахўн собі: Йак ѡа мѡжу йти красти, коли ѡа царь? Аш трѣтойі нѣчи приходит і кажи: царьу, ѡак ни йдеш красти, то за три дни ўмреш.

У тот час царь ўстайі ў нѣчи, збирайи сьа так, ѡак цивільний, виходит на мѣсто, находит йидного чоловіка. І кажи тому: Шчо ти ту рѡбиш?

От, кажи, хѡчу, ци бим дешчо ни здобўў.

Тож кажи царь до того: Йа бим так сѡмо рад, ци бим дешчо ни здобўў!

Аш так оні йдут чѣриз мѣсто, ў йидным дѡмі свѣтит сьа. Тот кажи царь до того: Анў подиві сьа, шчо там рѡбѡят! Тот царь стаў на цѡпки, тот стаў йимў на плѣчі, дѣвит сьа, шчо там. І кажи: Йа ни розуміу, бо ту говорѡят по нѣмецьки.

Тогдї кажи царь: Стань ти цѡпки, а ѡа на тѣби стану! У тѣм часѣ царь чўйи, а там пан йиден с своѡйѡ жѡнѡў говоріт: Йак би ми могли царѡа стрѡтити?

Тогдї кажи онѡ йимў: Зладым балъ, запросым царѡа на гостину, зладим йимў отрѡву і положимѣ пѣред нѡго чайку (склянку), і — там будут рѣжны пані — і кажи, він мўснт поклоніти до ўсѣх і віпити. І ў тѣм часѣ ми будемѣ на йнѡ мѣци.

У тѣм часѣ царь тѡйи ўчуў і догадаў сьа, шчо то пѣўни ѡнгіл, йнѡ клікаў. І ни казѡў томў нич, шчо там чуў, тѣлько узѡаў, за-

мін'яў свойў шапку і даў йому і кáжи: Йа чуў, шчо у на́шого ца́р'я бу́де баль ў ти́ждень; а́ле т'ямі, жи́бісь там бу́ў на т'ым ба́лі! І розі́шли с'я.

А́курáтни трéтого дн'я при́ходит тот пан до то́го на́ййасны́шого ца́р'я і про́сят йи́го на гості́ну. А то бу́ў ца́ріў мін'і́стир. І ца́рь та́кий бу́ў, шчо ни сто́рени́ў с'я. Прихо́д'ят там на тот обі́д, а́курáтни він по́ложий п'і́рит то́го ца́р'я злóтну скльáнку с тим напо́йом. І о́коло па́ньство сиді́т ко́ло ца́р'я. І тот пан ро́шчаў про́сити, а́би пан ца́рь бу́лі та́кі ла́скаві по́клоніти до його при́ятель'и́ў.

Али ца́рь за́раз кáжи: Ко́ль ти та́кий шчи́рий, по́клони́ до ме́ни! А він ни хт'и́ў. Али ца́рь кáжи: М'у́сиш то́ту ми во́љу зро́біти, ко́лись н'я побунтова́ў (по́проси́ў з до́му).

У т'им ча́с'и він с'я шчи спи́речи́ў і ро́шчаў ка́зати: Йа то́го ни зрóб'иу.

Али ца́рь на н'о́го приті́с так, шчо аж м'у́си́ў то зрóбіти; і з ус'о́йи злóсти ў́зяў, ви́пиў то́ту скльáнку і від ра́зу ўпа́ў. У т'им ча́с'и ўсе́ па́ньство з'у́дріло с'я, шчо то с'я ста́ло і ўв'і́дили, шчо ма́ла бу́ти зра́да нат цы́саром.

А́курáтни ца́рь ў ти́ждин' зарихтува́ў со́бі баль на то́ту ўты́ху і ўсе́ с'я див'и́ў за тим свóйім камра́том, шчо ў но́чі з тим ходи́ў. Аж на оста́тку при́йшо́ў тот са́мий ў т'ий ша́пц'и, шчо му цы́сар да́ў. Тогді́ цы́сар ро́шчаў ка́зати, шчо то його́ при́ятиль. І поста́виў го на то́го місци мін'і́стром.

Записано мною в Хітари, стрийського пов. від Олекси Прохвата 1895 р.

II.

Слово о[т] патерика о покутѣ, якъ она чоловікови грѣшному єсть пожитечня, хто єя по правдѣ выдержитѣ, хоч' и ненавижи час, абы по правдѣ. [єден жов'нѣр'... (?)].

Часу єдиного ишли люде хрестиянскіє оу постѣ великий до святого Антония сповѣдати с'я. Ишло ихъ много мужей и женъ. Ишли по при єдин замокъ, у котором то замку мешкаль єдинъ панъ злый, а не милостивый, жовнѣръ, ляхъ, который завше хуливъ нашу вѣру хрестиянскую и насмѣвал с'я с хрестиянъ православныхъ.

И призвалъ до себе, станеть ихъ питати, рекучи: що єсте за люде? где идете? чею и пощо? А они рекли єму: Идемє, пане, до святого Ан'тония сповѣдати с'я.

А онъ ся почалъ смѣяти з нихъ и поругавъ ся имъ и святому Антонию. А коли пришла ночь, видѣлъ во снѣ пекелныя муки, до которыхъ то мукъ черныя муринове волокли его и хотѣли его тамъ уверечи тутъ. Пришолъ святой Антоній и рекъ ему: Если бесъ ся сповѣдалъ и хрестіянскою вѣры не хуливъ, я бы тебе оборонивъ отъ тыхъ муриновъ. А онъ ся появъ того чинити. А святой Антоній переже[г]навъ муриновъ крестомъ святымъ, а они щезли, яко дымъ. А жовнѣръ ся пробудивъ отъ сна и оу страху былъ; а дождавши свѣта, осѣдлавши коня, не повѣдаючи никому ничъ, пойхавъ до святого Антонія. А такъ пошолъ, же не знали ани пани его, ани жадный челядникъ его. И пришовши до святого Антонія, почалъ ся сповѣдати по правдѣ оушитъкихъ грѣховъ своихъ. И того повѣлъ, якъ вѣдѣвъ муки пекелныя и якъ его муринове волокли тамъ и якъ его святой Антоній vyrатовалъ отъ тыхъ муриновъ страшныхъ.

Слышавши то святой Антоній, почудовалъ ся и прославилъ Господа Бога, ведущихъ грѣшныхъ на покаянiнe и поучивъ жовнѣря страху божого.

Станетъ его жовнѣръ молити, абы ему давъ покуту якую. А святой Антоній рече ему:

Бстъ, пане, оу твоємъ мѣстѣ єдина церковь залишена, которая стоить у воротъ передъ мѣстомъ. А ты переночуй в ней сию ночь. И того ти даю покуту за вшитъко.

А оный панъ обѣцалъ то такъ учинити: переночовати у той пустой церкви; и поклонивши ся святому анѣтонию, узавши благословеніе, пойхавъ до дому. А вже ся было примеркло. И приѣхавъ до тоей церкви пустой, никто его не вѣдѣлъ. Привязалъ коня оу двери, а самъ оушовши во церковь, затворивши ся, приклякъ на колѣна и противъ царскихъ двери сталъ ся Богу молити со злезми за грѣхи своя. А коли было о полночи, позавидѣлъ дияволъ, ижъ то его чловѣкъ удалъ ся на покуту, хотячи его оттоль выгнати и з дороги доброй, оучинилъ ся хлопцемъ панскимъ и пришовши къ нему, станетъ говорити, рекучи: О пане добродѣю мой! що ту чинишь, а то мы и панъ твоя через-день тебе искали и не могли сме ты знайти; устанъ твоя милость, иди до замку; а коня твоего вовци¹⁾ изѣли.

Рекъ ему жовнѣръ: Скурвый сине! хлопча, неволай, бо ты забито. Нехай конь гине, а в мене еще суть конѣ, а ты собѣ иди тамъ пречъ отъ мене до дябла. А я оттоль не пойду, бо ми то дано

¹⁾ Уживана тепер нар. фор.

за покуту. І перекрестив ся крестомъ, а дияволъ пропавъ от него. А жовнѣрь молив ся Богу прилежно.

Мисливъ дияволъ, що бы чинити? Пришолъ со иншими дияволами во мѣсто кмети. Пришовши к нему, стали говорити: О пане нашъ, що тутъ чинишъ? А то ся мѣсто имило и горить mocno, и близко замку юж и на замокъ огонь мече. Можеъ и церковь тота ся имити. А онъ имъ рекъ:

Идѣте хлопы, гонѣте людей и гасѣте мѣсто и замку стережѣте, якъ вамъ головы милы; а я оттодъ теперъ не пойду, бо то ми дано за покуту. И пережегнавъ ся крестомъ, а бѣсы пропали.

Стали дияволы мислити, що бы з нимъ чинити. И учинивши ся єдимъ полосомъ¹⁾ великимъ и вылѣз з єдного кута церковного и пустивъ зо 'рта своего огонь. И пришовъши близъ противъ него, почнетъ на него огнемъ сапати, страшно сычати, свистати, хочачи єго вигнати вонъ с церкви. А жовнѣрь и на того ничъ не гадавъ; и станеть говорити:

Вичу я, дябле, же ты дяболъ, а и ты оттол' не выстрашишъ мя, бо то ми дано за покуту. И вергъ на него крестъ, а дияволъ пропавъ от него. А онъ ся mocno молитъ Богу.

Потомъ дїяволы учинили, огонь около церкви, цисток (?) запалили церковь, а сами почали кричати, рекучи: Пане, пане! що ти ся стало? ото юж церковь горить, утѣкай борзо, бо згоришъ, бо самъ себе погубишъ.

А онъ отповѣдал: дайте ми покуй, хлопы, бо вас забито. Я оттодъ не пойду, хочай и згорю на божсей дорозѣ, бо то ми дано за покуту; а вы чимъ борже гасѣте! И пережегнавъ ся крестомъ, а дяблы пропали и умолкли. И стало тихо.

Мисливъ дияволъ, що бы еще учинити? Оучинивъши ся попомъ, почалъ звонити, а потомъ увойшолъ у церковь, запаливъ свѣчѣ, сталъ спѣвати, читати; а потомъ приступивши до жовнѣря, рече: А ты, Ляше, чого ты ту стоишъ? Бо ты ся ит вѣри нашей хрестиянской неругаєшъ! Иди собѣ пречъ с церкви до своего костела!

А жовнѣрь рече: если бы ты былъ попъ правдивый, а ты бы мя не проганявъ с церкви от молитовъ, але еще бы мя благословивъ и покрѣпивъ. А то вѣмъ, иж ты єсть чортъ, не попъ. А я оттодъ до самого свѣта не пойду, бо то ми дано за покуту. И пережегнавъ ся крестомъ самъ, а потомъ вергъ крестъ на того попа и рекъ: Во ймя отца и сына и святаго духа! А ты, попе, ирци:

¹⁾ Смоком.

Амѣнь, а дяблови нехай буде у зубы горячий камѣнь¹⁾. Скоро то рекъ, а дияволъ пропавъ и свѣчи загасли, а жовнѣрь похваливъ Бога и познавъ, иж то все дияволевское прохирство¹⁾). Оукрѣпивъ ся ся Богомъ святымъ¹⁾ мощно.

Еще ся дияволъ оучинивъ его однимъ гайдукомъ и пришовши, свѣчею станеть передъ нимъ и почнеть ему говорити: О пане нашъ! Що ти ся стало, що ту чинишь у той пустои церкви, а тото не знаешь, иж то твоя панѣ сестра оумерла? Идѣте борзо до дому!

А онъ его пофукавъ и залайавъ, рекучи: Злый человекъ! Иди собѣ до дьябла; если моя пани сестра умерла, волно то пану Богу; я ей не оживлю; я оттол до свѣта не пойду, бо ми то дано за покуту. И пережегнавъ его крестомъ¹⁾, а дияволъ щезъ. Был теж дияволъ у великомъ клопотѣ по немъ и не промысливъ, що еще на него за покусы выстроить мавъ. Оучинивъ ся панею его и узявъ на руки цеглу в мѣсто дитяте и пришовши, свѣчею сталъ передъ него. Почнеть с плачемъ говорить, рекучи: Боже ты побый, злый человекъ! Що ти ся стало? Подобно ты ошалѣвъ. Чого ту ночуешъ и що ту робишь у той пустой церкви русской? Лѣпше ти тотъ пуста церковь, а нѣжли мѣсто и замокъ? Я сама и тотъ дитина, сынъ твой; а того необачный человекъ, не знаеш, иж то пол мѣста згорѣло? И ты бы оу той церкви згорѣв, їди бы не люде ся угасили. А теперь на остатокъ и замокъ нашъ изгорѣвъ и вшитка наша худоба; що было, то все погорѣло, тилко я сама з дѣти[но]ю оутекла з огня, а сестра твоя оумерлая изгорѣла. Щожъ теперъ будеме чинити? оустанъ, а иди оттоль.

Ту его мало дияволъ не перестивъ (?)²⁾. А потомъ ся закрѣпивъ мощно Богомъ святымъ и рекъ до ней: цытъ ты, малпо, не плачь; если будеме годны, дасть намъ Богъ опять маєтокъ. Идъ собѣ пречъ от мене, бо ти дамъ оу їембе. А я оттол до свѣта, яко живо, не пойду, бо ми то дано за покуту.

И ту стоячи, дияволъ рекъ с плачем: О злый, а неб[а]чний человекъ! Юж я с тобовъ болше жити не хочу, а їду пречъ от тебе. А дитину перед тобою мечу на твою душу. То рекши, ударить дѣти[но]ю мощно о землю. А в томъ часѣ когуты заспѣвали, а дияволы пропали. А жовнѣрь юж был волный от покусы диявольскихъ. А одержавъ от Бога сѣмъ корунъ одной ночи, то есть, сѣмъ звѣтяствъ надъ дияволъ. И выдержалъ правдиве покуту. А коли

¹⁾ Штучки, підступи.

²⁾ Мабуть: перельстив = перехитрив.

ставъ свѣтъ, уставши, станеть смотрѣти дитины, а но цегла лежить на земли. А коли отворивъ дверѣ, ано и конъ его стойтъ, якъ был поставилъ з вечера, и церковъ не горѣла. И сѣвши на конъ, видѣвъ мѣсто все цѣло и замокъ. И прїихавъши на замокъ, ано все добре знайшовъ: а сестру живую, и жону, и дитину. И прославивъ Господа Бога и повѣдалъ то все, где ночовалъ и що ся над нимъ тоей ночи чинило. И сталъ в рускую вѣру и тоту церковъ окрасивъ роз'маито. Богу же нашему слава во вѣки вѣкомъ амѣнь.

III.

Оуважъ теды, человекѣ, же мусимо муки претерпѣти ал'бо на сем, ал'бо на тамтомъ свѣтѣ; лѣпше еднакъ на сем, нѣж на тамтомъ покутовати.

Был единъ человекъ, который был в хоробѣ дов'го за грѣхи. И почаль просити Бога, абы оумеръ. И показал ся ему аггел, рече: Что хочешъ, ци ту быти у той хоробѣ два роки, а потомъ просто до неба повти, ци заразъ умерти, та три дни во чисцу быти?

Человекъ тотъ хорий не знав'ши мукъ чисцовыхъ ташкосты, просилъ, абы заразъ умеръ. А якъ умеръ, былъ за годину во чисцу.

Показал [ся] ему знову тойже аггелъ, рече: знаешь мя? Я есмь аггелъ, который емъ былъ при твоей смерти.

Отвѣща, рече ему человекъ: Не ан'гелъ ты еси, бо аггелъ не естъ кламливый, яко ты. Ты мовилъ, же я буду за¹⁾ три дни во чисцу, а я уже ту кѣлка лѣтъ муки терплю!

Тогда рече ему аггелъ: Ище болше не е вѣд години, якъ ес' ту.

И почаль его человекъ просити: Аггеле святыи! Проси Господа Бога, нягай мя возме на тамтотъ свѣтъ. Волю тамъ десять лѣтъ терпѣти хоробу, нѣжъ ту быти одну годину.

Оуважъ теды, человекѣ, тый страшнии муки, а не откладай покуты; кетъ²⁾ есь не хотѣвъ на тамтомъ свѣтѣ покутовати за грѣхи своя, теперь ту мусишь. Амѣнь.

1) Через. 2) Коли.

IV.

Сказаніє о єдномъ рыцери славномъ, который надѣяв ся на сілу свою и пробаловалъ¹⁾ щастя своего воєвати изъ каждымъ, а на останокъ изъ смертію.

В земли грецкой былъ единъ славный рицер, на имя Севиянъ, который былъ барзо мощный и препішнімъ, а в рїце[р]ствѣ потужный. И единого часу справивши банкет барзо пристойный и гонный з роскошами барзо великими и запросивши приятелей, сенаторовъ и панян велможніхъ. Сидѣвши при обѣдѣ, мовитъ тии слова:

Мой милій приятель и синетарі! Ци ест мощный хто и сильный и рицерный на сем свѣтѣ, якъ я?

Мовят овий молодій сенатарі: Не ест, велможный пане, такого на сем свѣтѣ потужного, мощного и рицерного, якъ ваша велможност.

А едень старецъ мовитъ: Велможный, мїлостивый пане и рїцерю славный! Бет смерть мощнѣша и славнѣша от всего свѣта, бо она побираетъ королей, царей, рицеровъ славныхъ и воиновъ потужныхъ.

Онъ заразъ того пофукалъ²⁾ и сказалъ собѣ коня сѣдлати. И узавши и[с] собою єдного хлобця и всю рицерскую зброю, поѣхавъ оу поле и мовитъ тий слова: Пойду я шукати тоєй смерти, ачей би она и зо мною ся побила!

И ту божїмъ повеленїемъ явила ся ему смерть видимо на полѣ страшна, яко нѣкто: сама с костий, голѣната, саѣата, головата, кострубата, витрѣсковата, зубата. А носит из собою все свое орудя: кривую косу острую, долгїй мѣчь, пилу, серпъ, рикаль, мѣтлу.

Видѣвши то рицер, скочиль ко ней конемъ; а конъ избояв ся, изфукавъ и несмѣль ко ней пойти. Видѣвши то рицеръ, рече ко ней: Хто ты ест ѣ що такое за чудо мнѣ ся показало на томъ дикомъ полю пустомъ?

Смерть ему рече: Я естемъ смерть, которой ты кличешъ и шукаешъ; если ты мене потреба, я прийшла к тебѣ и хочу тя оузяти пишного пана.

Рекъ ѣй рицер: Та ци то ты красная смерти? То єми краса того свѣта!

Рече ему смерть: якъ ты мене видишь некрасную, але я красныхъ из того свѣта побираю: святителей, королей, царей, княжат,

¹⁾ Пробував. ²⁾ Висварив.

гетманов, рицеровъ, потужныхъ воиновъ, витязей силных, патрiарховъ, митрополитовъ, владикъ, архимандритовъ, игуменовъ, черцовъ, пустыннiковъ, поповъ, казнодѣвъ, филозофовъ, красомовцов, риторей; силных, мощныхъ, богатыхъ, оубогихъ; сироты и удовѣцъ; слѣпыхъ, хромыхъ, старихъ, молодыхъ и малихъ дѣтй. Всѣхъ я тыхъ заровно беру.

Слышавши то рицерь, рекъ до ней сердито: Слухай, ты смерти нехоснавая! Бѣли ты тыхъ побйраешъ и тебе ся боять, а мене ты не возмешъ й тебе ся не бою такой поганой, плюгавой и шпетной. Бѣст оу мене на тебе булатный мѣчъ, огнистая стрѣла и стрѣла, дробнѣ стрѣлы, бѣстрое копье.

Смерть ему рече: Слухай ты, человекѣ! Ты ся хвалишъ своею зброєю, а в мене ест на тебе моя зброя: кривая коса, острый мѣчъ, пила зубатая, кривый серпъ, рыскалъ, мотыка, мѣтла. Косою ти подотну ноги, пилою ти перетру кости, серпом перерѣжу ти горло, мечем ти отѣку руки, рыскалемъ ти вѣдотну голову, мѣтлою ти замету кровъ.

Рече ей рицерь: О смерти нехоснавая, головатая, кострубатая, зубатая, витрѣсковатая, сухая, блѣдая, сагатая, голѣнатая, страшное чудо! Та ци годна ты зо мною бити ся своим непристойнымъ орудіємъ? Коси ты своею косою по пустомъ полю траву; три ты своею пилою гнѣлов колодя; жнѣ ти своимъ серпом жаливу: ¹⁾ сѣчи ти своим мечом хашу²⁾; копай ты своимъ рыскалем глину; замѣтай ты своею мѣтлою на дорожѣ порохи. У мене ест на тебе мѣчъ мой острый, бѣгнистая стрѣла, сагайдакъ; не такихъ я силныхъ и храбрыхъ рицеров и силныхъ витязей на войнѣ звияжа[в]ем и витязей военныхъ и герцовнiковъ своею зброєю, копьемъ и силою побивалъ. Та быхъ теперъ тебе чуда не моглъ побити? Оуже ты болѣше не бу[де]шъ людей побивати и побирати; южъ тут твой тоты сагатыи голенѣ по том полю бу[ду]тъ ся валяти и той твой костяный тулубъ будет пожаръ палити.

Рече ему смерть: Небоже рицеру! щосъ ты хвалишъ, иж ты на войнѣ много побивалъ? И колъко оу войнѣ головъ гине, то без мене и тамъ не ест.

Слышавши то рицер, рекъ: О смерти злая! то знати, що лжеш и неправду мовишъ; я многихъ побивалъ, а тебе тамъ такого чуда нѣди не видалъ и нѣхто ми не повѣдав нiчого и не помагалъ мй. Ставъ ты теперъ поля зо мною, а я готов.

¹⁾ Кропиву. ²⁾ Ліс.

Рече ему смерть: О человекъ глупый! Не поможетъ ти ридерская зброя и копия довгая; не такихъ я оу свои руки побрала, гей ты теперь. Послухай, человекъ, що ти буду повѣдати. Почавши от Адама.. Рече ей панъ: Повѣдай, що маєшь повѣдати.

Тут' ему смерть рече: Слухай пане! Адама и Еву, праотець вашихъ до потопа, людей першихъ, я оузяла; по потопѣ знову Ноя славного и сыновъ его я узяла; Авраама, Исаака, Їакова я побрала; былъ един' Самъсонъ сильный на всемъ томъ свѣтѣ под тымъ солнцемъ сильнѣшого не было, бо онъ самъ такъ повѣдал: кобы ми, мовит', такій майштер', абы ми колце оу землю управив, абы ся не вырвало, то бымъ оушиткимъ свѣтомъ такъ повернуль, якъ жорнами; я и того оузяла; царь Давидъ џалтыр' виложилъ черезъ духа святого: я и того оузяла; Царь Соломонъ былъ премудрый, который 40 лѣтъ и шѣсть святая святыхъ церковь будоваль и три роки дяволами робил, я и того оузяла; Навходоносоръ, царь вавилонский, грозный былъ на увесѣ свѣтъ: то я и того оузяла; Троянь царь, Юлианъ царь, Маѣмимиянь кролъ, Даѣианъ кролъ, славный были, я и тыхъ оузяла с того свѣта; нужъ якій былъ царь Дарій перскій, царь Поръ индійский, которіе ся богами земными писали, то я и тыхъ побрала; нужъ еще якій былъ царь Алеѣксандеръ македонцкій, царь над царѣ и всему свѣту господар был: я и того оузяла; еще, человекъ, былъ ачей такій витязъ храбрый Бова кролъ: я и того узяла; еще теж ачей былъ такій витязъ, якъ ты, Бронствикъ кролъ, который былъ Салвомъ зайшполъ под зеленую сторону: я и того оузяла; и многихъ королей, царей, гетмановъ, потужныхъ, иныхъ людей, розныхъ вѣръ и языковъ и геретиковъ, поганныхъ мучителей, гонѣтелей ероінихъ! А що теперь гадашь¹⁾ из своимъ немощнымъ ридерствомъ. Южъ е слонце над западъ, день ся южъ твой коротаетъ; юже тобѣ дома не быти, але ту на тимъ полѣ зостати. Тѣло твоє и кровъ твою бу[ду]тъ потята²⁾ и звѣрята ѣсти и кровъ пити; тилко твои кости до дому принесутъ. А ты хлопя, не бой ся, Богъ с тобою!

Слышавши то, человекъ, злякъ ся; одревніли [му] руки и ноги. Его оушитки состави розслабли; станетъ тихимъ, а покорнымъ словомъ говорити, рекучи: О смерти славная и сильная! то силу великую маєшь. Твоя бесѣда всю силу мою загубила; але прошу ты покорне: попусти ми мало, нехай на томъ пустомъ полю не погину безъ покаянiя и нехай дойду до дому и покаю ся грѣховъ моихъ

¹⁾ Нар. форма. ²⁾ Птиці.

и розпоряжу двор свой и челяд, бо ємъ не справиль Богу нічого рядного на сем свѣтѣ живучи, и покаю ся.

Рече єму смерть: О злый челоувѣче, ци не было ти лѣтъ, мѣсяцей, днѣй, годинъ и часовъ, коли ти роскошоваль в гордости своей и в бучности пивал, ѣдаль, гойноваль, а на Бога небесного и на смерть еси не памятал, из своего скарбу Господу Богу нічого не справиль. Былъ тобѣ час' на покаяніе; але ви есте челоувѣци лукавие, хитваніе, несправедливіе; коли вамъ якая бѣда ся станеть, або хоруба, албо який припадок, то вы Бога святого просїте, абы вамъ погодивъ и полѣвѣвъ¹⁾, а потом Бога забудете и на смерть не памятасте, иль жете з Богом.

Рече рицер: О смерти, госпоже, панѣ моя! маю скарбу доситъ, злата и сребра, каменія дороцѣного, перла кристалѣовіе, женчугу и ин'шихъ достатковъ много. Прошу тя, панѣ моя, ходи зо мною до моего дому и набери собѣ скарбу досит', колко хочешъ. А мнѣ еще потерпи, зачѣм' ²⁾ ся покаю грѣховъ своихъ.

Рече єму смерть: Глупый челоувѣче! кобы я скарбы брала, то бы и земля не могла ихъ вымѣстїти. Порожняя твоя бесѣда.

Рече панѣ смерти: Панѣ моя, еще ти повѣм слово; прошу тя до своего дому на гостину любую и оутѣшную; нехай ся с тобою навеселю и нехай дома оумру, абы мя присмотрѣли мои любий приятелѣ и слуги, абы мя ту звѣрове и потята не зѣли.

Рече єму смерть: Все то твоя порожняя бесѣда: не потребую я нікогда жадной гостыны и бенкетовъ; там' мнѣ гостина, где ест плачь, слези и крикъ по мертвом. То моя работа и потѣха.

Рекъ рицеръ: О смерти, панѣ моя! еще ти повѣм одну рѣчь; оу тебе нѣст мужа, а у мене нѣсть жоны; поберѣмо ся; ты естєсь сильная, а я также рицеръ мощный и будеме пановати на сем' свѣтѣ без клопоту.

Тут' ся смерть росмѣяла и рече: Дурный и безумный челоувѣче! что се ты говоришь? Кобы я потребовала собѣ мужа, то бым' я не такого смердуха прияла: албо цесаря, албо кроля, або царя, але нѣди не потребую собѣ мужей на вѣки. Оуже ся, челоувѣче, не вымантишь оу мене; слонце южь тобѣ потемнѣло, день твой кончит ся.

Тут рицеръ зомлѣвши, упавъ из коня на землю. Станеть из плачем' говорити: О смерти злая, о смерти глухая, о смерти слѣпая, о смерти немилостивая, о смерти нежалосливая, о смерти, жовиѣру

¹⁾ Поміг. ²⁾ Доки, вѣм.

неупрошений! То ся не могу у тебе оупросити и умолити, але вижу, ижъ ту ся мушу под твою острою косу нахилити. О смерти, смерти, тос' мя такого славного без вѣсти несподѣване застала и зо всего мя обидрала.

А потом' оуста ся ему замкли и болше юж нічъ не говоривъ. И жили его подревнѣли, а смерть приступивши оутяла ему голову косою, невидимо стала. Видѣвши то хлопецъ, побѣгъ до полаты его и повидѣль погибѣль пана своего злюю. Плакав' и повѣдавъ вшитко по ряду, що ся стало над паном'. Слышавши то слуги и приятель его, здунмѣли ся и скочили по тѣло его. А коли там прийшли, ано тилко хроборы его лежать, а тѣло его звѣри обнесли и потята. И принесши хроборы рицерови и погребли без тѣла. И был тамъ страхъ на вшиткыхъ, а хлопецъ то вшитко росповѣдалъ по доводу, що ся стало и що ся чинѣло.

И такъ ся скончавъ оный пышный рицѣрь и злый. Пан злый, зле погинулъ и слава его со шумомъ погибла.

О братѣ! Кол' страшная и лютая смерть грѣшным, а праведнымъ сладка и легѣка! Богу же нашему слава во вѣки вѣкомъ аминь.

Паралелі: Рицарь и смерть. Коломыя. Зъ печати Мѣхѣла Бѣлоуса. 1894. (Второе издаѣіе).

Про рицарѣа і смерть.

(Видміна попередньої легенди з Угорської Руси).

Раз ѣ мадѣарськум¹⁾ краѣу ни знѣли, котрій бѣльший пан і богѣтший. Шчо учинѣли? Почалѣ са бѣти панѣви; котрій звѣтъѣжить жѣби буѣ царьом. Ішли валѣли²⁾ ицднѣ на дрѣгі, хто вид кого шчо видѣбѣи. Ішоѣ ицдѣн худѣбѣний³⁾ йѣгир⁴⁾ позѣѣду, ішчѣ й голодѣн: гѣзѣбѣи з вѣлѣми, панѣви с пѣшками, шчо худѣбѣнѣ — пѣшо, шчо богѣтѣ — на кѣнѣох. Ішли с свѣйѣма слугѣми, жѣби йѣм і слѣзи помагѣли видѣвѣѣти. Тот йѣгир позѣѣду голодѣн. Смирѣ пробѣвѣла, ци йѣ дахѣтѣ такий, шчѣбѣи ся йѣуй поклонѣѣ. Крем⁵⁾ смѣрти ни мѣжи

¹⁾ Легенда записана в околицѣ, де корѣнна буква „о“ мѣж спѣвзвукѣми перейшла в „у“.

²⁾ Сѣла; се словацѣзм.

³⁾ Бѣдний.

⁴⁾ Стрѣлецъ; пор. нѣмецѣке Jäger.

⁵⁾ Без; в нар. говорахъ угорськѣ-руськихъ виразу „без“ не уживѣѣ ся зѣвсѣм; замѣстъ нѣього стоѣтъ всюди „крем“.

ніхто ўмерти. Она на шанцу¹⁾ сиділа у жу́нських²⁾, білих кабатах. Ни поклоніў йуй ся ніхто, лем голодён йа́гир. Она повіла йа́грови і дала му нуш³⁾: Йак прийдеш на войну, де са будуть біти, йак увідиш мно́го наро́да, та лем вийми нуш, а ука́ш. Вун так зробіў. Вinyaў нуш і ўказаў; кўлько наро́да відыў, ўшы́ток наро́д на зёмлю ўпаў. Ун прийшоў і побзираў, чому́ лью́ди лежа́ть, а лью́ди ўже й покрі́пли, так йих сме́рть пості́нала. Іде́ да́ле по́міжи наро́д. Вун іде́, а наро́д лижи́ть. Приходиў на йидну́ гору́, та бо й живі́ польи́гали; а́ли тоті́ та́кой польи́гали, шчо́ йих ни больи́ло. Почали́ му ся кланя́ти і ў но́ги цы́лова́ти: Ви нас⁴⁾ царь, лем нам подару́йти жи́т-тя! Вун повіда́ть: Йа худоб́ний чолові́к, йа ни го́дин царьова́ти, бо йа ішчи́ й голоде́н!

Приступиў д ньому́ йиде́н богати́й пан; Уши́ткой⁵⁾, шчо́ йи, пирида́й на ме́ни, та йа буду́ царьом. За то́го, шчо́ ти ми́ны пирида́ш, на ка́ждум тре́тум валала́би дам ти майи́ток; дам ти по сто коро́ў на ка́ждум валала́би; мо́жиш са ў моло́цы купати́ за мо́йи гро́пи і будеш ўши́ткого до́ста ма́ти; дам ти до́ми побудова́ти.. повіў му тот пан богати́й; возми́ собі́ йнаша⁶⁾, же́би ти служи́ў.

Ун худоб́ний йа́гир буў, та пожа́луваў сво́го бра́та, шче́ гу́рши худоб́ного, шчо́би тот за йнаша́ буў. У вели́кум ро́скошу мно́го ро́куў жи́ли обайи́ з бра́том. У мно́го ро́куў по йидну́м полу́динку пушли́ на польова́чку⁷⁾ обайи́ с пушка́ми. Прийшло́ йидно́му на проху́т си́дати, на зёмлю, котрий́ буў ста́рший брат. Приступи́ла д ньому́ сме́рть у білих ка́батах, шчо́ ста́рший брат відыў, а мо́лоти́й ны́т. І повіда́ть сме́рть ста́ршому: Лы́тир!⁸⁾ — тако́й про́зви́ско ўни ма́ли — верни́ ся до́му і зроп собі́ ви́слонь⁹⁾, шчо́ на нью́й будеш ўмира́ти, бо ўже до́ўше ни бу́диш жи́ти!

Ста́рший брат, Лы́тир, повіў йуй, сме́рти: Йакый́ йа ма́у нуш ко́ло се́би! Кидь го на тья вийму́, та ти за́раз буде́ ко́нець.

Не ўчи́нити твуй нуж ми́ны нич! За́рас Лы́тра ў ре́бра ўко́лоло, ни бірова́ў¹⁰⁾ ру́ку іспусти́ти до же́бны́¹¹⁾, за ножом. Увідыў Лы́тир, почаў сме́рть проси́ти: Сме́рти стра́шна і зуба́та! Дару́й жи́т-тя, бо ў ма́дьярськум кра́йу, шчо́ до́брой, ўши́ткой мой. Возму́

¹⁾ Шанц, німец. = насип над ровом, фосою; пор. мад. sáncz.

²⁾ Жіночих. ³⁾ Ніж. ⁴⁾ Наш.

⁵⁾ Sing. neutr. gen. намість „вшиткое = всьо“.

⁶⁾ Инаш = юноша, нім. Page. ⁷⁾ Лови.

⁸⁾ Лицар, нім. Ritter.

⁹⁾ Лавка; у нас: ослін.

¹⁰⁾ Не міг; пор. мад. birni.

¹¹⁾ Кишені; пор. мад. zseb.

тѣ за жонѹ; на кáждум трéтьум валáлы бѹдеме ся ў солóткум молоцѣ купáти.

Лы́тир! ни такі минé вірні просі́ли. Адам і йогó потóмки і царьóви і бiсkóпи! То й́м ни помогло́, кáждий мѹситъ умéрти, ід кóму йа прійду. А де не йи смéрти, хóть би ножóм на фáлатки¹⁾ порізаў, áбо кóлом забійў, áбо фéйсоў²⁾ порубáў — де не йи смéрти, та ни ўмре; а де прійди смéрть, хóть би го лем пописарóм³⁾ удáриў, ўпа́ди і ўмре. Лы́тир! ни будѹ ти вéще⁴⁾ прі́каски прикáзовати; кидь ни йдеш на смéрть ся ўб́рати, кидь нѣа ни слѹхаш, упáть ту сéрет путé і умрi! Ту ти йи брат, нѣай дасть до вáроша⁵⁾ знáти!

Зап. ў серпни, 1896, від Михайла Пустайа, ў Збу́йу, Земи́лин-ськойі столи́ці.

V.

Сказаніє о єдномъ цесарѣ Іовианѣ, котрый былъ поднѣсъ ныху противко Богу, которого Богъ каралъ.

Быль єдин цесарь грецкой, на имя Іовиан. Барзо былъ пре-
можный и потужный и грозный и в достатку, гонный, и в богатствѣ.
Слуги мавъ барзо препышнѣ и го́йнѣ, препоясанѣ пояси золотыми,
пишно, го́йно, збро́йно и в всемъ барзо пристойно. И єдиного [разу]
лежащи на ложку своєм' оный пышный и преможенный цесар мiслит'
сам' собѣ, рекучи: Хтож ми може противнымъ быти? Маю досить
всякого статку, можности, скарбовъ, панетва, достаткомъ (-овъ),
богатства, слугъ препышныхъ. Не ест мнѣ ровнѣшого на земли кремъ
Бога. И поднесло ся сердце его оу пиху великую и гордость. А по-
томъ казалъ слугамъ и панетву своему конѣ сѣдлати и поихаль оу
поле, на вадацтво⁶⁾. А коли были у поли, повелѣвъ Богъ мощно
слонцу печи горячестию своєю. И стало мощно слонце грѣти и па-
лити цесаря. Инымъ слугамъ не было нiчъ, которіе при немъ были,
але цесареви зле было, зле ся дѣяло, и з великой горячести до
смерти ему приходило. И видѣль кроль оу поли воду и рекъ до
слугъ своихъ: Станте ви ту, а я пойду купати ся, бо ми ест зле;
а зкупавши ся, приіду к вамъ, бо якъ ся не скупаю, то умру.

¹⁾ Кусники, штуки; фалаток е diminut. до фалат, мад. falat.

²⁾ Сокирою; мад. fejsze.

³⁾ Цибухом; мад. pipaszár.

⁴⁾ Бiльше; словацизм.

⁵⁾ Мiста. мад. város.

⁶⁾ Лови; пор. мад. vadászat, vadászás.

И поѣхав' самъ єдинъ и приѣхавъ до воды, изсѣвъ из коня и привязав' его до коня, а самъ розебравши ся, ускочивъ оу воду, стал ся купати довольно.

Слухай же ты, що ся стало над цесаремъ пышнымъ. Прийшовъ так аггелъ его хранитель, во вшиткимъ ему подобный, якъ зрастом, такъ позоромъ, лицомъ, бесѣдою, а узавъ на себе одѣя царское и всѣвши на коня его, приѣхав' до слугъ, а слуги и панство поклонили ся ему якъ цесареви и не познали его, хто єст. И рекъ аггел до панов: Не час маємо до вадацтва; идѣме до дому. И поихали до дому с поля.

Прийшовши аггелъ на палацъ, сѣвъ яко цесарь из цесаревою, из панами, а цесаря zostавили на поли голого.

У якийсь часъ накупавши ся цесарь Іовиянъ, внишов из воды, ано не знайшов' ні шат, ні коня: zostалъ чудом голымъ на поли. И зляк ся бѣдный, не знає, що чинити. Сталъ ся сердити велми на слугъ, що его лишили и мыслит имѣстити велико на нихъ и много. Мыслит много, где бы ся дѣти и где поити, бо встыд єсть великій. Мусѣвъ ночи ждати, а коли било позно, сталъ мыслити, еда пойти. И рекъ самъ собѣ: Не учиню иначє, єдно пойду до своего старого судѣ; тои ми даст шати и коня и я прийшовши, буду слуги карати горломъ. А вставши, пойшов. И прийшовши до мѣста, почаль торкати у ворота, абы ему отворено. Оувидѣвши варту, станєт' его питати: хто єсть. А онъ имъ рекъ: Я єстемъ цесарь Іовиянъ. Повѣжте панови своему, нехай ми дасць сукнѣ и коня, пойти на палацъ; а то ємъ стративъ с пригоды.

Пойшовши слуги повѣли то пану, рекучи: Панє нашъ, то якийсь хлопъ шалєный, голый стоїт' оу воротах и просит' твоєй милости за сукнѣ и за коня; а повѣдаєт' ся быти цесаремъ.

Слышавши то панъ, зачудовалъ ся, що ся дѣєтъ. Цесарь нашъ на столици, а я теперъ недавно от цесаря. И повелѣвъ его пустити передъ себе. А коли его приведено пред пана, оувидѣлъ его судия, не позналъ. Станєт' на него плевати, рекучи: Изгини од нас дяблє проклятый, душе нечистый. Явно ся єси показал, хто ты єст. А онъ ему рекъ: Що ти ся стало? Азас ты не знаєшь мене, иж то я єстемъ цесарь Іовиянъ. Дайми коня и шаты, бо ємъ стративъ з пригоды. Рече судия: Слыши ты, хлопе шалєный! Якъ ты ся смѣєшь звати кролемъ нашимъ, а нашъ крол на столици сидит и я теперъ от него? Слухай ты, хлопе, якъ вижу, не зайдєшь ты ся, абєс не битъ; не зови ты ся кролемъ! И розказалъ его слугам мощно бити карбачами¹⁾. А слуги, яко то дворяне, ради тому, били,

¹⁾ Батогами.

били его, якъ сами хотѣли; ажъ до кѣрве бивши его и витрутили за ворота его. Тамъ пышный цесаръ лежачи, плаче таковой ганбы своей. И мислитъ собѣ, що має чинѣти и где ся має дѣти? А потомъ умысливъ собѣ: естъ еще у мене едино княжа, которого емъ я учинѣлъ княжатею, оу которомъ я ся кохаю; ежели мя тотъ познаетъ и дася ми сукнѣ и коня дойти на столицю. Але тутъ слугамъ моимъ, скоро пришовши, кажу ихъ постинати, що мя лишили оу поли на бѣду; и судию того изъ панства извергу и слуги его, которіе мя били, кажу ихъ четвертовати.

А такъ уставши, пойшов до другого мѣста, до своего коханого княжате, а самъ весь крви испливъ. Пришовши до брѣны (брами) почаль толкати, абы отворено ему было. Слышавши то стражъ, питалъ его: хто ты естъ? и чого в ночи ходишь? Іовіянъ рекъ: Пусть[т] мя, я естемъ Іовіянъ, цесаръ; йду до княжате своего коханого. Стражъ видѣвши его всего кирвавого, рекли: Не естъ ты чело-вѣкъ, але ты есь шатанъ. Побѣгши, повѣли то княжати, рекучи: Пане велможный, щос за чоловікъ стоить оу воротъ, просить ся, абысмо пустили его до тебе. И повѣдаєтъ ся быти цесаремъ, але естъ голый и весь оу крви. Слышавши то княжа и почудовалъ ся¹⁾ Казалъ его постѣти²⁾ и дознати, що то естъ такого. А коли его пущено, скоро его увели оу свѣтлицю, видѣвши княжа его, злякъ ся; сталъ на него плевати и заклѣнати, пекати, рекучи: Изгинь шатане, душе нечистый. А цесаръ рекъ: Не естъ я духъ нечистый; я есмь цесаръ вашъ Іовіянъ, который емъ ты оучинѣлъ княжатею и в тобѣ ся кохаю; що ти ся стало? памятай ся, дай ми коня и сукнѣ дойти до дому полаты моея, а то емъ стративъ все изъ пригоды. Слышавши то княжа, рече: Вичу я, ижъ ты естъ хлопецъ шаленный; не дармо, якъ вижу, тебе бито, хлопе шаленный, бо ты якисъ паніця, одежду есь изъ себе пропилъ, а другое в карты прѣгравъ, а до мени еси пришолъ одежды спраовати и коня, а не вѣдаєш, ци пѣдешъ отолъ и пѣшии оу здоровлю, безъ коня. Що кажеш, ижесъ мя оучинѣлъ княжатею, и самъ еси голы[й] якъ бубень, а я теперъ полъ години одѣ цесаря, а цесар, его милость, изъ цесаревою сидитъ на столиці. Не зъ горазду тебе бито, що есь ледвы изъ душевъ оутѣкъ, та й ты не буде безъ того, абысь не бывъ битъ. Якъ ты ся смѣєшь звати цесаремъ, бо то горломъ важишь. И розказавъ слугамъ бити его моцно, а бывши, ка[за]лъ его в темницю всадити и казалъ ему дати хлѣба и воды. И ту единъ слуга змиловалъ ся надъ нѣмъ, далъ ему плахту прикрити наготу его. А потомъ стало мыслити княжа: А то

¹⁾ Здивував ся. ²⁾ Пустити.

емь шаленого хлопа всадивъ оу темніцю ; ему ся тамъ стане¹⁾ и умре, то мой грѣхъ буде ; и казавъ²⁾ випустити и выгнати и[з] замку. И радъ былъ Іовіянъ, бѣдный цесарь, оной плахтѣ, сѣвши, ледво що живѣ. То его сродзе збито и плакавъ такого неща[стя] свого. Будучи та-кій монарха, мыслитъ собѣ, що маєт далей чинїти, а потомъ рекъ : Пойду просто до своего города, до своєї кролевон, чей мя познает и дѣточки мои. И вставши поишовъ.

И прийшовши до воротъ городовыхъ, станеть торкати, абы ему отворено было. Слышавши то стражъ, рекли : хто ест и чого в ночи ходитъ ? А онъ имъ рекъ : Я естемъ цесарь вашъ Іовіянъ ; идѣте рихло³⁾ до кролевон, а по[вѣ]жете ей, нехай ми вишлетъ сукнѣ, бо емъ стративъ из пригоды. Стражъ видѣвши чоловѣка оу плахтѣ, збитого, кирвавого, пойшли оу полату до кроля и стануть говорити, рекучи : Найяснѣший цесарю панъ нашъ ; щос за хлопъ оу плахтѣ, збитый, кирвавый, стоить у брами и послал нас до цесаревон, абы ему выслали сукнѣ ; повѣдаєт ся быти цесаремъ. Слышавши аггелъ, казалъ его привести предъ себе, а коли Іовіянъ был на своемъ замку, тутъ ся пустив на него его песь коханий ; скочивъ на него, коли были не слуги оборонїли, то бы его былъ изѣлъ, бо его не позналъ. А коли войшол до сѣнїй, тутъ сокѣвъ его, котрого самъ на свой руцѣ ношиваль, тотъ ся его напудивъ и урвавшї ся, сталъ его крилома и нѣхтома драти и бити в лице его. Оувойшол онъ и сѣвъ на паланок. А коли Іовіянъ бувъ оувойшовъ оу полату, ано оувидѣлъ, аггелъ сидить барзо препышный оубрано, а но при немъ сидитъ цесарева, жена его власна. Видѣвши то Іовіянъ, здуммѣль ся и мислитъ собѣ : що то ся зтало ? Рекъ до него аггелъ : Хто ты ест и чого ту ходишь извлаще оу ночи ? Іовіянъ рекъ : Я естемъ Іовіянъ, цесарь, и моя то ест столиця и панї. Рекъ аггел до цесаревон : Повѣж моя наймильшая, который мы, з межи нас двохъ, панъ ест ? А она со гнѣвомъ рекла : Щосъ ты мене, якъ дурня, звѣдаєшь ! Чому з мя смѣхъ чинишь передъ панствомъ ? Оуже то с тобою живу лѣтъ ѿ (18), и сынов маємо, а ты мя ид кому равняєшь ? Не чини из мене смѣхъ, — Богъ тя скаре ! И поплакала, рече : Яко живо, не знаю того шаленїка ; не знаю, чы чоловѣкъ то, чы мара яка оувойшла оу полату нашу и хочет нас изъ юдити. Потомъ аггелъ рекъ до маршалка и до вѣхъ пановъ, котрие тамъ при немъ были, и до слугъ : Повѣжете ми правду ; комуєте присѣгали, ци мнѣ, ци тому дурному и шаленому хлопъ ? А пани и слуги рекли : О най-

1) Ту щось пропущене, мабуть „щось злого“.

2) Пропущено: його. 3) Польонїзм: скоро.

яснѣшій цесарю велможный, пане наш милостивый! мы твои милости божіли¹⁾, тебе по Бозѣ до смерти за цесаря мати и наше здорovia за тебе покладати и при тобѣ стояти. А того мы шаленіка яко живи не знаємъ, ци чоловікъ то ест, ци мара. [За] тимъ рече аггелъ до Іовіяна: Що ж ты тепер гадашъ, шаленый хлопе? И казал его покоєвим бити нещасного и его конем²⁾, которым завше вѣжджоваль³⁾, на котором в той часъ был, коли шаты изгубив⁴⁾ — и казал его до коня за ноги оувязати и по всему мѣсту волочити. И сродзе⁵⁾ его кон избивъ и плахту на немъ подраль, волочивши его по всему мѣсту. И стануть покоєвини єдин⁶⁾ ко другому говорити, рекучи: Не лишайме ми шаленого хлопа на дорожѣ под ногами, але верзѣмъ его оу гнои, нехай тамъ з-лихом лежить. И так⁷⁾ покинувши его, лишили оу гной. И ту бѣдный Іовіянь лежачи, мислив собѣ, из п[л]ачом рекучи: Що маю теперъ чинїти и до кого ся оудати? Но, мислив⁸⁾ собѣ, пойти до пустел⁹⁾ника, оу которого ся завше сповѣдавъ. И вставши, пойшов оу тому пуцу, где той пустелникъ мешкавъ.

Прийшовъши подь келию, ано еще той пустелник не спит, Богу ся молитъ. Іовіянь стал¹⁰⁾ торкаті оу вокенце. Калугор¹¹⁾ то почувши, здунмѣвъ ся, що бы [то] мало быты и хто ту в ночи ходитъ, и нѣколи того не бывало. Потом и другиѣ разъ поторкало, и станеть говорити: Отче святыѣ, отвори ми. А калугерь рекъ: Хто ты еси, рече, и чого ту в ночи ходишъ? А цесар бѣдный рекъ: Я єстем¹²⁾ Іовіянь цесарь, сынъ твой духовный; маю до тебе пилну потребу. Сповѣд¹³⁾никъ слышавши [то], бѣгъ борзо до окенця, а коли окенце отворил¹⁴⁾, оувидѣвъ челоуѣка страшного, оу плахтѣ, кровавого, збитого и не познавши его, борзо окенце затворилъ. И станеть его проклинати: во имя Отца и Сына и святого Духа, амин: изгин от мене злый, нечистый, дуже проклятый; откуда пришов еси изкушати мя тутъ? Бѣнный Іовіянь еще ся горше зафрасовав¹⁵⁾, що має чинїти. Потом¹⁶⁾ станеть из плачом говорити, рекучи: Отче святыѣ! зм[ил]уй ся на до мною; не єстем духъ нечистый, але єстемъ цесарь, сынъ твой духовный; отрѣкаю ся сотоні и молю ся Отцу и Сыну и святому Духу; прошу тя, отче, еслі ми не ймешъ вѣри, а ты вислухай скруз¹⁷⁾ стѣну сповѣди мои, еще перших¹⁸⁾ моихъ грѣховъ, которіх ем ти ся сповѣдав¹⁹⁾ пред тим²⁰⁾ и тепер ми ся погрѣша стало; и vysлухай, що то ся на до мною стало, якъ Богъ святыѣ

¹⁾ Божити в нар. говорі значить присягати.

²⁾ Таке imperfect. повторюєсь в сих легендах частійше.

³⁾ Польонїзм: сильно, дуже. ⁴⁾ Пустинник, монах. ⁵⁾ Зажурился.

скаралъ за мою пиху и гордосць. Зле ми ся, отче святой, стало; змилуй ся для Христа небесного.

Слышавши то пустел'ник, казал' ему сповѣдати ся, а самъ почаль пилно слухати скроз' стѣну. Іовиянь почаль ся сповѣдати от початку всѣхъ грѣховъ своихъ и прийшло до того южь, якъ ся поднѣсь во пиху великую противъ небесного Бога и якъ ся купаючи в поли, стратив одѣня свое и коня и зостал голым и где прийшов, то его били; якъ и панѣ его не познала и панство все не познало и пес и сокѣл не познал' и конем' мя моимъ волочили по всему мѣсту и ледво живого мя з душею лишили оу гной. Теди юж бол'ше не мал' ем' що чинѣти, до кого ся оудати, кремъ тебе, отче мой святой, до своего сповѣдника. Спадай²⁾ на милостивого, небесного, всемогущого Бога, который грѣшныхъ каре, а кающихъ ся знову приймае. Претожь и я каю ся того злого дѣла, пихи диявол'скои и гордостии проклятои и плюю на диявола и на всѣ злыи дѣла его. Вѣрую Господу Богу и покланяю ся Отцу и Сыну и святому Духу, аминь.

3) Тогда чернецъ отворивъ оkenце и внетъ его позналъ, иж то власный цесарь, сынъ его духовный; воставши скоро, отворивъ келию свою и оувѣлъ его. А он увесъ избитый и кровию сплинувъ. Видѣвши то калугерь, сплакавъ и налявъ окропъ и нагрѣвши, умив его и оливою намастилъ тѣло его и далъ на него сорочку и шату свою и шапку и рече: Моли ся, пане мой, Богу. И рекъ до него цесарь: Прошу тя, отче святой, ти ся моли Господу Богу и пресвятой Богородици. Тогда калугерь оузялъ ѱалтирь, начавъ читати из поклонами, из молитвами. Потомъ скончавши ѱалтирь, почаль читати акафист пресвятой Богородици — а цесаръ стоять; и коли скончавъ акафистъ, то ест похвалу Богу, ано почало свитати. И ту легли припочити, бо и крол трудень¹⁾ был барзо и ту пустельникъ мало ся придрѣмавъ. И видѣвъ во снѣ: прийшла пресвятая Богородица из Михайлом и кладуть на голову цесареви коруну царскую и поясъ царскій и шаты и лан'пухъ золотый и вѣнецъ и скиптро царское. И прочутивши ся, пустельникъ прославиль Господа Бога и пресвятую Богородицу; избудивъ цесаря и сталъ его питати и тѣшити и поздоровляти: Иди теперъ, пане, просто до своєї столицѣ; вѣрую Богу и пресвятой Богородици, же тя познают; не бой ся, иди за божимъ благословеніем! И благословивши его, пустилъ.

Прийшовши Іовиян до брами города своего, сталъ торкати, абы ему отворено было, а ту ся и бонть, абы его еще не били; му

1) Змучений; нар. фюр. звучить тепер: трудный. 2) Мабуть: Спогадай.

ся дало добре в памятку; але ся крѣпляеть молитвами сповѣдника своего и укрѣпив ся Богом и пресвятою Богородицею.

Видѣвши его стражъ, внет отворено и познано, иж то ест пан ихъ. И убояли ся и мислили собѣ: а то панъ нашъ ходивъ до своего сповѣдника, а ми не знаємъ, коли онъ пойшовъ. Внет ему отворили и поклонѣли ся ему и рекли: О пане нашъ, отпусти намъ, бо'мо не знали и не знаємъ, коли твоя милость выйшолъ. А онъ на нѣхъ махнувъ рукою, абы мол'чали; и весело на нѣхъ и ласкаво посмотрѣлъ и поншовъ на нѣхъ на дворъ. И тамъ стояло много челяди и панства и видѣвши, познали его внет и поклонѣли ся ему внетъ вишитки и тут мислили: що то ся чинѣтъ тутъ? На дворѣ цесаръ и в полатѣ цесаръ. Тут и песь его коханный позналъ и стал ся ему радовати и лашити, токмо не промовятъ; такожъ и соколъ познавши его сталъ весело квѣлти. Видѣвши то маршалокъ, здунмѣвъ ся велико; станеть говорити паномъ, що ся чинѣтъ? У полатѣ цесаръ и на вдвори цесаръ оу калугеровихъ шатахъ. Потомъ панство войшли оу полату и поклонѣли ся аггелови; стацуть говорити, рекучи: Найяснѣший нашъ цесарю, пане милый! що то ся чинѣтъ з нами? Твоя милость тутъ сидѣтъ на столицѣ из цесаревою, а на дворѣ стоить другъ цесаръ, которому ся вси поклоняют. Рекъ аггелъ до царици: Устанме, а выйдѣм на дворъ, увидѣмъ, що то ся чинѣтъ. А коли вийшли на двор и увидѣвши цесарева внет познала пана своего и здунмѣла ся, не знаетъ и сама, который то естъ праве мужъ ея з межи нѣхъ двоухъ. Рекъ аггелъ до панов и до челяди: Повѣжте ми правду, который з межи нас двоухъ панъ вашъ? А паны и челядь рекли: Оба есте еднакъ, але намъ ся здае, же тот панъ наш, который теперъ прийшол от своего сповѣдника; и то ест намъ дивно, иж то есте оба еднакъ. Потомъ аггелъ рекъ до цесаревой: Панѣ, повѣж ти правду, который тобѣ ест пан и мужъ из межи насъ двоухъ и которому ты шлюбила? А она посмотрит и на того, а потомъ рекла: Все ми ся здает, же тот мой пан ест; але то ми дивно, иж то есте оба еднакъ. Богъ знае, що то ся чинѣтъ. А потомъ хлопята выйшовши познали и увидѣвши Іовияна отца своего, прибѣгли радосно и познали его. Теди аггелъ рекъ: о тожъ панъ твой, который теперъ прийшолъ от своего сповѣдника. Оузявши теди аггелъ цесаревую за руку и цесаря Іовияна за другу руку, давъ ему жону оу руку и станеть говорити: Прими свою жену и дѣти и столицу цесарскую, а не подносяй ся от того часу оу пиху и не равнай ся ко Богу небесному, а то еси добре оучинѣлъ, иж то еси покаявъ ся и самъ себе осудивъ; а до того еще еси до сповѣди удавъ и тотъ грѣхъ отпокуталъ еси сей ночи; и еще ти

много помогла молитва того духовного, который ся молив до Господа Бога и пресвятой Богородицы. А я стерѣгъ столицѣ твоєи и панѣи твоєи и дѣтокъ твоихъ; а тебе то Богъ выдавъ был на по[ка]янїе; претожь полѣпшай ся.... (не четко) ябо естъ аггелъ божий, хранитель твой и сторожъ дужь твоєа. Потомъ до пановъ: ото естъ панъ вашъ, которому естъ присѣгали; тото слушайте и вѣрне ему служѣте: ябо естемъ аггелъ божий. А потомъ рекъ: майте ся гораздъ, Богъ з вами. И то рекши, блиснувъ яко блискавица, и невидимо быстъ: пойшол в небо, а одѣня царское зоставилъ посередѣ панства передъ Іовияномъ. И далъ ся чути голосъ з високости, глаголюще: возми, сыне, одѣня, котороемъ ти у полѣ былъ узалъ оу тебе.

И ту Іовиян прославилъ небесного Бога и пресвятую Богородицу мать Божию. И сталъ потомъ побожный и смиренъ и доконавъ в добромъ покою живота своего оу добрыхъ оучинкахъ и справахъ. Богу же нашему слава во вѣки вѣкомъ аминъ.

Паралелі: Gesta Romanorum, ч. 59 — Moralité de l' orgueil et présomption de l' empereur Jovinian, Syon, 1581. — Rosenplüt, der König im Bade. — Keller, VII sages, clvi; Dgocl. 48. — Goedeke, Römolt, in Zeitschrf. d. histor. Vereins f. Niedersachsen, 1852. Ст. 293. Hagen, Ges. Abent. 71. 3. CXV. — Germania, 2, 431. — King Robert of Sicily, Warton, 1, 183; Ellis, Spec. of. early engl. metr. rom. 3, 143. — Robert Cyryll, 1529, Swan, 1, 364; Jones, Biogr. dram. 3. 214; Collier, 1, 113. — Sir Gowghter, Utterson, popul. poetry, 1, 161. — Chancer, Caut. tales, 7511; — et. 1101 jours, 19, loiseleur, et. 33. — Benfey, Pantschatantra, 129. — Ciszewski, Krakowiacy T. I. Ч. 98: O pysznym królu, który za karę został dziadem, a anioł królował na jego miejscu. — Kolberg, Lud. XIV. Ч. 70 i 71. — Chełchowski, Powieści i opowiadanie lud. z okolic Przasnysza. T. I. С. 254. — Чубинський, Труды Т. II. Ст. 628 i 637. — Ровинський, Русск. нар. сказки, Т. IV. Ч. 45. — Kolberg, Lud. Krakowskie IV. Ст. 102—103: O królu pysznym.

VI.

Слово о Давидѣ разбойнику.

Быль нѣкоторый разбойникъ, именовъ Давидъ, который мавъ под собою дружины осмѣдсѣять и седмь. И розбиваль ѣ (20) лѣтъ. Потомъ прийшовъ до себе, станетъ мыслити самъ оу собѣ, рекучи:

Милый Боже! що маю почати? злое дѣло чиню на сим' свѣтѣ; осквернивъ емъ землю чужею кровію. Гдежъ потомъ дужа моя будетъ? Не будетъ инде, едно в руцѣ вѣчной. Мушу ся покаяти злыхъ дѣлъ моихъ, а кающих'ся Богъ прѣмаеъ. Пойду на покуту оу манастирь и стану калугоремъ до моеи смерти.

То собѣ оумысливши, пойшолъ до единого манастирь[я], который былъ оу лѣсѣ далеко отъ людей. И пришовши до воротъ, сталъ ковати, обы ему отворено было. Слышавши то воротный, станетъ его питати, хто ест и чого ходиш? А онъ рекъ: Ёстемъ Давидъ разбойникъ и пришлоемъ к вамъ, хочу быти калугоремъ. Слышавши то воротный, рече ему: Пожди мало, я иду ко гумену. Пришовъ воротный, повѣлъ игумену. Игуменъ оуставши, пойшовъ изъ чер'цѣ, станетъ питати: хто ест и отколь и чого ту ходиш? А Давидъ рекъ: Я ёстемъ Давидъ, разбойникъ. Желаю изъ вами ту быти в манастири, хочу покутовати за грѣхи своя; оучинѣте мя калугоремъ. Рекъ ему игуменъ: Брате Давиде, не можешъ ты ту з нами быти и нашего дѣла вомѣстити. Наше бо житіе тяжкое ест; тяжело треба постити, робити, не спати, поклоны бити, по разу на день ѣсти, набожне жити, плакати, завше смутному быти, не много бесѣдовати, послушнымъ вшиткимъ быти; потреба быти покорнымъ, тихимъ, смиреннымъ.

Слышавши то Давидъ, рекъ: Хочу я то вшитко выполнити, отче святой; едно мя примѣте. Рече ему игуменъ: Нѣкакоже человекъ; иди собѣ инде от насъ; не будешъ ту з нами жити.

Слышавши то Давидъ, рече со гнѣвомъ: Вѣрми, отче, если мя не примете на покаяніе, знайтежъ то добре, ижъ поверну ся знову на свое дѣло першое на вашу душу; а маю под собою дружины ѿз (87); и я пришовши в ночи, разорю манастирь вашъ и васъ самыхъ погубимъ и добро ваше поберемъ. Щожъ вы за черцѣ, що не хочете грѣшного на покаяніе прияти?

Слышавши то игуменъ и черцѣ, оубояли ся страхомъ и рекли: Волиме го прияти, нѣжели злою смертию погинути маемъ. И пустили его оу манастирь и учинили его калугоремъ. И тамъ Давидъ почалъ ся mocno подвизати, еще тверже надъ нѣхъ держати, до церкви передъ усѣхъ приходити, третего дне ѣсти хлѣбъ, блатіи¹⁾ всѣмъ послушнымъ быти, в молитвахъ черезъ всю нощъ стояти, тихимъ, смиреннымъ быти, покорнымъ, терплымъ, ижъ то вшитко черцѣ диовали ся, такому его житію острому; с кого ся не сподѣвали, тотъ нхъ всѣхъ перейшовъ добродѣтелию.

¹⁾ Мае бути: братіи.

И мешкавъ там' три роки. Во єдну неделю по утрєні затворивши ся Давид оу своєи кєлии, молив ся Богу. И ту прийшовши к нему аггєль Господєнь, сталь перед ним и рече: радуй ся, Давиде, выслухавъ Богъ твои молитвы и покуту; отпушєни ти всѣ грѣхи твои, а пятого днє изыйдєшь ис того дочасного свѣта на вѣчнєє мешкєня, до роскошіи небєсныхъ.

Слышавши то Давидъ, рече до аггєла: Я тому не иму вѣри, ижъ бы то за такой малый часъ отпушєивъ мнѣ Богъ мои великии грѣхи и злости; кол'ко душъ ємъ людськихъ погубилъ кї (21) лѣтъ розбиваючи!

Ци єст то правда, рекъ єму аггєль? Єсли ты Давиде, не имєшь мнѣ [вѣры], вѣдь, я тобѣ звязу уста и языкъ твой. Будєши нѣмъ до пятыхъ днѣй, дондєже ти смєртъ прїдє.

Рече Давидъ до аггєла дерзосно: о Господи! єсли ти аггєль єсть, почто тоє глаголєши на скорбѣ мнѣ? Чому ты єси мнѣ языка моего не вязавъ, коли ємъ бѣду чинѣв, розбивавъ, кравъ, кровъ проливавъ, а тєпєрь коли ємъ на покутѣ, та хочєшь мя онѣмити и языкъ мнѣ связати? А чимъ жє буду Бога вихвалєти? Тутъ ми радосць приносѣшь, а знову пакосць и скорбѣ хочєшь чинѣти. А єсли такая ласка божєя на мєнє, ижъ ми отпушчєєт грѣхи моя, буди воля господня, а ту мнѣ не вяжи языкъ на моемъ добромъ дѣлѣ; єсли мя Богъ пращєєтъ, а ты невяжи!

Рекъ єму аггєль: О Давиде, то єси ми мудрє отповѣлъ; буди со миромъ, моли ся Богу!

И отишолъ от него аггєль якo блискавица, а Давидъ єщє прилѣжнѣ почалъ ся молити Богу. А пятого днє преставилъ ся и отидє ко Господу во царство небєсноє. Богу жє нашему слава во вѣки вѣкомъ. Аминь.

VII.

Слово о Флавіянѣ Разбойнику, который хотѣлъ разбити монастырь чернический, але и самъ спасе ся.

Былъ єдинъ разбойникъ грозный, на имя Флавианъ, который мѣлъ под собою р̑ (100) чєловѣковъ разбойниковъ, смѣлыхъ и збрoйныхъ, ижъ нѣхто ꙗзъ нѣхъ не смѣлъ оударити. Єдиноє днє собравши собѣ пятьдесятъ товаришовъ и станєтъ имъ говорити, рекучи: Мои милыи друзи и товарѣши! Оумисл[ив]ємъ я сєи ночи єднує рѣчь пожиточнує, єслибистє на то пристoнны. А онѣ єму рекли: Панє нашъ, ми завшє тєбє слухаемъ; щo намъ роскажєшь, то ми готовы

на твой розказъ. Рекъ имъ Флавиян': Ест у пуши в лѣсѣ одинъ богатый монастирь, в котором то живутъ чер'ницѣ, о которомъ то и вы сами знаете. Теди я оуберу ся оу одежду чернечую и пойду тамъ сам'. И узавши под шату мѣчъ свои и онѣ ми отворять сами ворота монастирскіе и примутъ в мѣсто черця мене за гостя, а ви в ночи там прїйдѣте, и покличете мене, а я вамъ отворю и погубиме чернїчки и скарбъ ихъ побереме, бо иначей не учинеме нїчъ, бо монастирь ест твердый.

Слышавши разбойники и похвалили раду его; а так Флавиян оубравши ся по черънецко и узавъ под ризу мѣчъ свои, поишол в пушу, где той монастирь и пришовши до монастиря, почалъ торкати оу ворота манастирскіе по обычаю монастирскому.

Почувши то старшая гуменїя и загнала¹⁾ свою послушницю, хто ест и чого ту прїшов'? Послушниця видѣвши калугера, прїйшовши, повѣла: Госпоже! якіе' калугер стоит оу ворот, хочет нашу святую обитель навидѣти и нас. Слышавши игуменїя, покликала сестры своя; поишли до воротъ, сотворили молитву; а Флавиян' рекъ: аминь, мир' вамъ преподобныи мои сестрѣ; спасите ся о Господѣ; прїидохъ к вам' аз' старецъ грѣшный навидѣти житія вашего, обители вашои святой. Слышавши то чернїчки и рады были и рекли: Слава тбѣ Христе Боже, иж то приславъ к нам святого отца; и будемъ от него благословенїя просити и молитовъ святыхъ.

А чернїчокъ оу том монастири было пятьдесятъ и три. Отворили ему ворота и пустили его з радостію и павши, поклонили ся ему и просили благословенїя от него. И узавши его, повели до церкви: Поклонї ся, отче, Богу! и поклонїв ся; а потом повели его до келии и узавши во умивальницю воды, стали ему оумывати ноги яко странному от пути, маючи его за преподобнаго отца; а онъ имъ ест ворогъ и зрадця!

Флавиян мислит собѣ: Що то ся чинит? Якъ то они чернїчки добродѣтель ему чинят, яко святому челоувѣку. Стало ему сердце его мякшѣти до скрухи, а коли ноги его оумыли, отерли хусткою чистою, онъ имъ подяковав.

А была оу томъ монастири єдина дѣвка, которая то от многихъ лѣтъ была слѣпа, нѣма и глуха, которую то привѣвши к нему, просили благословенїя. И [в]завши тоту воду, которую то Флавиянови мыли ноги, напоили тоту дѣвку и умыли ся. Внет прозрѣла и промовила и слышати стала и прославила небесного Бога; вѣдѣвши то чернїцѣ, припавши к ногамъ Флавияновым, поклонили ся ему; стану[т] его у ноги цѣловати, мовячи: Богъ тя посла к намъ,

¹⁾ Післала; нар. фор.

отче святой, негоднымъ, грѣшнымъ. Тота дѣвка от многихъ лѣтъ была слѣпа, нѣма и глуха, а днес твоимъ приходомъ и за твоими святыми молитвами прозрѣла, и говоритъ и чуетъ.

Видѣвши то Флавиянь, здумѣвъ ся и познавъ ласку божую над собою, ижъ то Богъ его ведетъ на покаяніе. И уставши и самъ поклонилъ ся имъ и рече: Слава тебѣ Христе Боже, ижъ хочещи всѣмъ спасти ся в разум истинный приити. И вынявши зъ подъ рызы мечъ свой, показа имъ и рече: Сестры наймилѣшїе! Вашими святыми молитвами нехай и я многогрѣшный спасу ся. Вы мене маєте за святого отця, а я естъ разбойникъ Флавиянь, который маю под собою ̑ (100) разбойниковъ. И сеи ночи вы вшитки мали погинути от того меча. Если ми не имете вѣри, увидите вы сами дружину мою, которая ту придетъ и будетъ мя клѣкати, аби имъ отворивъ [я]. А придетъ ихъ пятьдесятъ; але вѣ не бойте ся: Богъ зъ вами! Нехай и я буду братъ вашъ и хочу быти до смерти калугоремъ.

Слышавши то чернічки, здумѣли ся велми; прославили Господа Бога, ижъ ихъ выбавивъ отъ горькой смерти. А коли была нощъ и было в пульнощи, прийшли разбойники; -50-ихъ ставши оу воротъ монастирскихъ, почнуть кликати: Флавияне! старшино наша, отвори намъ, ми естесмо дружина твоя.

Слышавши то Флавиянь, поиншоль ко вратомъ, станеть имъ говорити: Я васъ не знаю; маю я болшую дружину, съ которою васъ позабиваю, яко злодѣ[ѣ]въ.

Слышавши то разбойники, оулякли ся и побѣгли оу тѣки. А чернічки передержавши Флавияна у своемъ монастири два дни, виправили его съ честію до муского монастиря, у которомъ постригши ся, многи лѣта пребывъ. В старости глубокой преставилъ ся и отишоль ко Господу. А съ того меча его чернічки сковали крестъ, которымъ то крестомъ бѣсы изганы во вѣст и во славу Христу Богу нашему, емуже слава и держава во вѣки вѣкомъ аминь.

VIII.

Слово о єдиомъ пустельникѣ, который хотѣлъ звѣдати судьбы божїихъ, который у пущи сѣдѣвъ ̑ (30) лѣтъ и напоследку хотѣвъ стратити свою покуту и душу, если бы ему аггелъ не повѣлъ.

Въ пустыни єгипеской великой и страшной и непроходимой, где люде не бывають и потята не плодятъ ся, пустыня глухая, то естъ великая. А в той пустыни былъ єдинъ чернецъ, покутовалъ за грѣхи; жилъ тамъ ̑ (30) лѣтъ молячися Господу Богу за себе и за

увес' свѣтъ; а ніколи не видѣвъ образъ челоувѣчій и потята не слухав', крем' звѣров'. И единого дне той чернец' помысливъ собѣ речучи: Боже милостівый, що то ся дѣет на свѣтѣ? Я у той пуци живу 30 лѣтъ; як' же теперъ стоит' мир' и свѣтъ? Пойду я, из тоєм пуци дознати судби божои; и заперши келию свою [пойде] во мирь.

Коли былъ на пути, перейшоль его аггелъ и ре[къ] ему: Мир' ти отче; где ты идешъ? Рек' калугерь: из пустинѣ во мир, звѣдовати судбы божей, що єсть оу том' свѣтѣ и щос ся в нем чинїт. Рек' ему аггелъ: Приими мя, отче, оу товариство из собою. А пустел'никъ рек': Иди, брате, рад ємъ товаришови доброму. И поишли оба.

А коли ся сталъ вечеръ, прїйшли до єдиного села, стали ся просити на ночь до единого челоувѣка, абы ихъ переночовав, который им' барзо былъ радъ и приялъ вдячне, нагодовалъ и напоилъ; а [оу] того челоувѣка не было болше дѣтий крем' едино дитя малое, хлопятко у колысцѣ еще. А коли было в ночи, челоувѣкъ и жона уснули: оуставши тѣди аггелъ, удавилъ тоту дѣтину. Видячи то черънецъ, убояв ся зѣло и мислитъ собѣ: А то не челоувѣкъ зо мною ходїтъ, але злый духъ; оу якого чолоувѣка доброго дѣтину оуморив'! едно и было! Але не смѣвъ єму нічъ мовити. И коли юж сталъ челоувѣкъ и жона плакати по дѣтинѣ горко, а они подяковавши, поишли во путь свой.

На другую ночь прїйшли до другого села и упросили ся на ночь до чолоувѣка богатого, которого дом' былъ над моремъ. И тои челоувѣкъ приялъ ихъ вдячне барзо и угостивъ ихъ, давъ имъ вечерю на полумиску сръбном и дав имъ коморку особную на спочивокъ и посцѣлъ. А черънецъ не спить, мислитъ, що еще его товаришъ буде чинити — и за себе ся боить. Коли было в ночи, уставши аггелъ, оузял' тои полумисокъ, заверг' его оу море и лѣг' спати; а чер'нецъ видѣвши то, чудоваль ся: Боже милостивый! Що маю чинити? Не єст то челоувѣкъ, але то єсть дияволь, зо мною ходитъ и пакость людемъ чинїтъ; болше я з нимъ не хочу ходити; але не смѣвъ єму нічого мовити.

Оуставши рано, поишли оу дорогу. Калугерь єму не мовить ничъ. Потом' прїйшли до третого села и упросили ся такъ же на ночь до единого богатого челоувѣка побожного, доброго, который ихъ любовне приявъ оу свой домъ, накормивъ, напоивъ, постеливъ. Пустельнїкъ и тамъ не спить, мислит, що ся будет чинїти. Аггел уставши, украв у того погаръ золотый у челоувѣка, дорогїй, с которого то

завше той чоловік пивалъ, бо ся в нем барзо кохалъ. А чернецъ то видить, але ему нічъ не смѣть речи и за злото духа его маєть.

Уставши рано, поїшли не дякуючи (не виразно). Пришли до четвертого села и зыйшли на дворъ барзо богатого чоловіка. Стали ся просити на ночь, а онъ ихъ пофукав и волоцями звалъ и рекъ: Не буде[те] вы у мене ночовати; идѣт собѣ пречъ из двора. Ангель ему рекъ: Змилуй ся, пане, переночуй Бога ради, бо юж познаю. А онъ рекъ: Если хотите, идѣте у тот хлѣвъ и тамъ спѣте, ежели хотите, а инѣде у мене не будете ночовати. И показавъ имъ хлѣвъ, где свинѣ ночуют; они увойшовши у хлѣвъ, ночовали тамъ и коли устали порану, поишовши ангель сталъ дяковати за нѣчлѣгъ. И виявши из пазухи кубокъ той золотый, далъ ему: Возми, рече, собѣ той погар за того, що еси нас ночоваль оу своємъ дворѣ; дякуєм ти. И поїшли в дорогу свою.

Тутъ чернецъ мыслить собѣ: не єсть то чоловікъ изо мною ходитъ, але вижу злий духъ; где намъ добре чинено, онъ тамъ зле починивъ, а тому злому, а немилостивому богачеву, который нас у свинѣ кучи ночоваль, кубокъ ему золотый дав. Злий то мой товаришъ; еще потерплю ему мало.

Потомъ придало ся имъ пятого дня ити черезъ одну рѣку глубокую мостомъ. И коли были посеред рѣки, стрѣтивъ ихъ тамъ єдинъ чоловікъ оубогій и поклонивъ ся имъ. Сталъ чернецъ пытати дороги; онъ имъ указавъ путь: ангель трутивъ его з мосту в рѣку и утопив. Видѣвши то пустельникъ, жаловаль чоловіка, ижто его невинне оутопивъ и маєть его за злого духа. И не рече ангелови нічъ, бо такъто ему Богъ не допускавъ ніч мовити, єдно мысливъ якъ бы его от себе отправити.

Потомъ пришла ночь, села юж не было, обяла ихъ ночь у пущи у лѣсѣ. И знайшли єдину здебку, барзо старую. Стали тамъ ночовати. Не снить чернецъ. Уставши теди ангель почалъ тогу хижу старую переставляти с того мѣсця на другое мѣсце. А чернецъ мыслить, що онъ чинить пустое дѣло.

А коли сталъ свѣтъ, оувидѣвши чернецъ двѣ дороги тутъ, станет говорити своєму товаришови, рекучи: Иди ты своимъ путемъ, а я пойду своимъ. Єдно ми жаль, товаришу милый, иж то пятъ днѣй як из собою ходиме у товариствѣ, а не знаю, хто ты єст, с которой страны и коего роду. И давномъ ты хотѣвъ звѣдати за тоє и теперъ ся роз'ходимъ из собою, а не знаю, якъ Бога молити и поминати за тебе.

Ангель ему рекъ: Отче святыи! Я єстемъ ангель хранитель души и тѣла твоего.

А пустел'нік поклонїл' ся ему ніско до землѣ и рече: О Господи, не прогнѣвай ся на мя, иж то я такъ дерзосно из тобою великіе бесѣды закладаю, бо ем я розумѣв', иж то простый чоловѣкъ изо мною ходитт, яко и я раб' Господень многгрѣшный и длятого так' безпечне почал' ем' из то[бо]ю розмовляти и юж дале не смѣю тобѣ докучати.

Рече ему аггелъ: Отче святыи! если маєшь що до бесѣды, можеш' говорити смѣле, не гадай нічого; и сам' Богъ, котырый ест пан' над паны и творця небу и земли и всему створению, а коли его грѣшный чоловѣкъ о що колвекъ в потребахъ своихъ просить через молитви свои, благає маєтат божїй, то ему Богъ помагаєт и пилно слухает прозбы его, не тилко я, бывши слугою божим' не маю тебе выслухати теперъ; що маєшь до бесѣды, можешъ извѣдати, а я тебѣ буду отвѣти [давати].

Чернець ему поклонил ся, рече: О Господи, коли така ласка твоя ко мнѣ недостойному рабу божему, а то прошу тя покорне, повѣж ми, що то за такая ласка божая, ижъ тоєи першои ночи, гдесме ночовали, у того убогого чоловѣка, который то нас вдячне приялъ в домъ свой и гостивъ нас пристойне, оу которого то не было болше дѣтїй, тилко едно хлопятко у колысцѣ, а ты и тоє удавивъ.

Рекъ аггелъ: та ест причина, отче, ижъ тото хлопя выгодовавши ся, мало бы отца своего забити и у свѣтъ поити, а потом которогос часу вернувши ся до дому своего и не познал бы матере своея, а нѣ мати его и так' мавбы впасти из матерію в грѣхъ, блуд учинїти и такъ бы во великій грѣхъ упали и три душѣ марне бы погibli¹⁾. И длятого тоту дѣтину мусѣль емъ оудавити и душу его до царства небесного оузяти. А тот чоловѣкъ знову ся обернеть до побожности.

Рече чернець: А то, Господи, длячого на другомъ ночлѣзѣ у богатого, побожного чоловѣка, который нас ласкаве приявъ у домъ свой, а ты ему полумисокъ срѣбный заверг оу море?

Рекъ аггелъ: Ото есть тая причина; оу того чоловѣка много есть срѣбра своего, а тотъ полумисокъ узавъ бывъ оу пождѣ великомъ, не по правдѣ, который то чоловѣкъ проклявъ его, при котромъ то полумиску мавъ огонь домъ его изпалити и виѣвеч' его обернути; протож' длятого емъ заверъ, абы злое мижи добрымъ не было, абы то при проклятомъ срѣбрѣ и самъ не стал' ся проклятымъ. Горе бо тимъ людемъ, котыри берутъ великии пожди не по правдѣ, черезъ мѣру.

¹⁾ Натяк на звістну легенду про кровосумішника, незвичайно у нас розповсюджену.

Рече пустелник¹: а то, Господи мой, що єсть за причина, иж то на тре[то]мь ночлизѣ, где нас так^{же} чоловікъ добрый приялъ чесно, а ты в него дорогой, золотый полумисокъ и кубокъ узявъ, а злому богачеву немилостивому его подаровалъ, который нас оу хлѣвѣ невдячне переночовалъ. То жаль ся Боже того подарунку тому злому чоловіку!

Рекъ ему ангелъ: То єсть та причина: Той побожный чоловікъ завше былъ тверезый и не запивалъ ся нїди. А коли ему той кубокъ оуроблено, онъ любячи той кубокъ, завше з него пивалъ кождый день от заранку до вечера и мощно ся запивалъ, а нїди тверезый не бывъ анѣ в день, анѣ в ночи; а такъ з великого панства мѣлъ былъ барзо ошалѣти и душу свою мав зле погубити. И длятого то от него взявъ той погаръ и стративъ, а онъ теперъ зостанеть побожнымъ, яко и перше. А що ем^у давъ тому злому и немилостивому богачеву, та єсть причина, бо я ему ту на семь свѣтъ остатне заплативъ, а в остатный вѣкъ южъ не приймететь собѣ от Бога жадной заплаты на ономъ свѣтъ, за свой злый справы, але злый зле починеть и богатство его яко прахъ розсиплетъ [ся], а он поиде на вѣчнїе муки; то ему заплата.

Рече чер^нецъ: А то, Господи, що за причина, иж то єси чоловіка убогаго оутопивъ, а он^у нам путь казалъ?

Рекъ ему ангелъ: а то єсть та причина, иж то былъ убогий, а не вийшолъ бы поль милѣ, стрѣтивъ бы чоловіка другаго и убивъ бы его с тѣсноти¹⁾ своєї; потомъ бы и самъ на дорожѣ згинувъ; такъ бы двѣ душѣ нагле погубло. Але то я длятого его утопивъ, аби то и онъ зостав живъ и сего аби то душа не погубла на муки вѣчнїя. И та єсть причина.

И знову калугеръ рекъ: О Господи мой, не прогнѣвай ся на мя, що ти ся уприкряю; чому тоту у той пущи здебку старую представлялъ єси на иншое мѣсце?

Рекъ ему ангелъ: Тому єсть тоя причина: то была хата чоловіка богатаго; в той хатѣ спрятавъ скарбъ великій, который то скарб отказавъ синови своєму, который то єсть барзо побожнымъ. А коли той скарб вийме, то ся учинїт барзо злымъ, скупымъ, немилостивымъ и длятого тоту хату инде переставивъ, аби онъ не знайшолъ тыхъ пѣнязей на пагубу души своєї. Волить бѣти без нїхъ, а нїжли при нїхъ и стратити бы мавъ вичне душу свою. Отож ти, отче, повѣламъ причину справы моея, а ты иди до своєї келни и не ходи из пущѣ болше во миръ и не испытай судебъ божїихъ. Мир ти, спасай ся о Господѣ.

¹⁾ Бідноти

И то рекши аггелъ господень яко блискавицею поишолъ то него. Тогда калугерь поклонѣвъ ся, цѣловаль мѣсце то, гдѣ стоявъ аггелъ Господень и поишовъ у лѣсъ и ему ся здало недалеко. И мало пойшойвши, оувидѣвъ келию свою и прославилъ Христа Бога и жыл тамъ потому другихъ 30 лѣтъ и престаѣвъ ся и отиде ко Господу въ радощь вѣчную. Тѣложь его преподобный Макарий знайшовъ и погребъ чесно; душа его во обителехъ небесныхъ, а имя ему Паладій.

— Того молитвами Христе Боже помилуй нас и спаси души наши всегда и нинѣ и присно и во вѣки вѣкомъ аминь.

Паралелї: Gesta Romanorum, ч. 80 — Vitae patrum, 5, 93. — Jac. de Vitriacos, in Scala celi, 15 — Alb. Patavius, evang. domin. passionis, 93. — Pelbartus, aestiv. 32, H (J. de Vitri.). — Discipulus de temp. 109, K. — Specul. exemplor. 2, 210; Maj. 571. — Wright, 7. — Euxemplos, 161. — Doctrinal de sap. bl. 8. — Le grand, 1779, 2, 1 (5, 211). — Méon, 2, 216. — Bluet d' Arbères, 1604, 105. — Voltaire Zadig, 20; ed. Benchot, 33. — Hist. littér. de la France, 23, c. 116. — Geiler, arbor. hum. 129 b. — Pauli, 682. — H. Sachs, 3, 1, 236; Schiebel, 2, 254. — Zuschauer, 3, ст. 332. — Gellert. 1, ст. 116. — Grimm, d. myth. XXXV ij. — Parnell, the hermit. b. Swan, 1, 376. — H. More. div. dialogues, 1669, 1, 321, 2. — Howell, lettres, 47. — Pl. Herbert, Conceptions, 1, 1650. — Dunlop — Liebr. 309. — Warton, 1, clvij. — Koran, 18, 64. — 1001 Tag, 27—29. — Hammer, Rosenöl, 1, 162. — Hurwitz, Hebrew tales, 18. — Weil. bibl. legend. d. musulm. — L. Gonzenbach, Sicilianische Märchen. T. II. Ч. 92: Die Geschichte v. Einsiedler. — Kolberg, Lud, Kujawy. T. I. Ст. 153—156: O pustelniku i czarcie. — Krakowskie. T. IV. Ст. 94—99. Клоустон. Народні казки та вигадки, їх вандрівки та переміни. Перев. А. Кришський. Ст. 31—40.

IX.

Слово о пут'ніку кийси како во Цариградѣ святѣйший патріярха Терентій випилъ биль лютую трутизну из рукъ єди[но]го жиди.

Во Константиноградѣ придало ся единого часу, собору при царской полатѣ при цари турецкомъ Заври, за патріярха Терентія. Тамъ биль єдинъ жидъ злый на имя Схарионъ, который завше хрестіянъ гонитель биль великій на вѣру хрестіянъску и намовяль часто царя турецкого, абы хрестіяни потурчити. Але царь не смѣль того чинѣти, рекучи: Не могу я яко живо тоє чинѣти, бо хрестіяне мають своего патріярху.

А жидъ рекъ: Повели ми царю, я патріярху отрою лютою отровою перед тобою и будуть хрестіяне твои.

Рече ему царь: Если би то могло быти. Рече жид: Не бои ся, царю, я ти в том; не поможет имъ ихъ Христос.

А коли былъ соборъ на царскомъ дворѣ, много ся жид спирал ис християни и з патриархою святымъ о вѣрѣ и хуливъ на Христа и Богородицу и на вѣру и на ивангелие святое. И рече:

Слухай ты, патриархо; чи есть то правда, иж то читаете оу вашомъ евангелию: Се даю вамъ власць наступати на змию и на скоропию и на всю силу вражию. Знову пишеть: Аще что смертно спиють, не вредить имъ. Есть ли то правда?

Патриархъ ему рекъ: Есть правда, зловѣрный жидовине, бо то суть самого Христа божого слова.

А жидовинъ рекъ: Чи могъ бись на тоти слова из моихъ рукъ трутизну выпити и живъ быти? Нехай бысмо дознали тоби правды. Патриарха ему рекъ: Вѣрую Христу Сину Божому и тому слову евангельскому, иж то могу пити.

И на то ся зложили передъ царемъ до шестий день. А царь рекъ патриарсѣ: А то, патриархо, постановѣмъ такое право: если ты выпивши трутизну, оумрешь, то хрестияне мои будутъ и манастири и церкви вашѣ и чернѣцѣ. И всѣхъ людей хрестиянъ потурчу а котрие не схотятъ, я тыхъ повелю губити. А если цѣль зостанеш, то будешь от мене великую ласку мати.

И дали собѣ на то руки и записъ до шестий день. А коли ся соборъ розыйшов и патриарха розослалъ всюгди листы по всѣхъ хрестиянохъ, абы ся Господу Богу молили и пресвятой Богородици и святому Отцу Нѣколаю. И собрали ся вшитки хрестияне со женами и дѣтьми до святой Софии на дворъ патриаршій и там неотходячи, молили ся Господу Богу и пресвятой Богородици и святому отцу Нѣколаю. Пребили тоє вшитки днѣ и ноци из патриархою на молитвѣ. Коли прѣшов шестий день, станеть патриарха говорити со слезами до всѣхъ людѣй: О мой наймилшѣе хрестияне! Теперь прѣшовъ день, иж то маю пити от жидовскѣхъ рукъ смертельную, ядовитую трутизну. А коли я оумру, то вас вшитки потурчать.

Слышавши то люде, крикнули голоси великими, рекучи: О владыко святой! не помози Боже нашимъ ворогомъ, ихтовимъ¹⁾ неприятелемъ! Если бы тобѣ смерть мала быти, нехайже и мы с тобою оумремъ и[з] женами, из дѣтьми, а з вѣри своей хрестиянской не виступимъ. И повелѣвъ патриарха всѣмъ поити до церкви святого отца Нѣколы на стоянѣе всенощное. И казал каждому готовить ся до причастия; и старымъ, молодымъ и малымъ дѣтемъ, готуючи ся на смерть. И коли правили завтрдню, на девятой пѣсни сидячи

¹⁾ Скорочене: Исусъ Христовымъ.

патриарха у кристѣ, здѣлавъ ся отъ праці. И ту ся ему показала пречистая Богородица, мати Христова, держаще на рукахъ своихъ дитятко Христа. И дасть патриархъ палицу золотую и рече: Твоею палицею побѣдишь враги и ворога своего и моего непрятеля и гонителей сина моего и люознѣрцовъ вѣри христової. Дерзай, не бойся пастирю добрый стада христово, а мой вѣрный слуга. Господь с тобою.

А в той часѣ поплъ рек': Матерь божію во пѣсняхъ возвеличим'!

И начали спѣвати: Чеснѣшую херувимъ!

А патриарха ся прохвативъ, а передъ нѣмъ стоить архидияконъ с кадилницю на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла пресвятая Богородица. Уставши теди патриарха радостень и весѣль сердцемъ и душою и благодаривъ Христа Бога и пресвятую Богородицу матеръ его.

А коли вийшли изъ утрени, патриарха ся самъ готовилъ до службы и читалъ собѣ святыи молитвы. Ту прѣйшовъ къ нему аггель господень и рече къ нему: Господь с тобою, отче; дерзай, не бойся; еще ти прибуде стада Христова, ти бо живъ будешь, а твои ворогъ зле погине.

А такъ у службы святої ушитки священіки и черцѣ и дияконы и всѣ люде со женами и дѣтми причастилися святыхъ тайнъ христовыхъ изъ рукъ святого патриарха. И коли вийшли изъ церкви, учинивъ патриарха прощеніе со всѣми людми, готуючи ся на смерть.

Слышавши то, крикнули со плачемъ мужѣ и жены, рекучи: о святителю нашъ! ми отъ тебе не зостаємъ; щесмо ни йли, нѣ пили по причастию; идемъ с тобою на дворъ царскій, нехай будемъ при твоємъ боку, а если ти будетъ смерть, нехайже и ни всѣ тамъ при тобѣ умремъ, абы не самъ пошолъ на онъ свѣтъ; не отстанемъ ся отъ тебе сладкаго патріярха своего.

И такъ пошолъ патриарха со вшиткимъ соборомъ своимъ и все множество людей, старіе, маліе и великіе и дѣточки несено, которіе перси сали; единодушно оустремили, яко и самому царевни

.....

Паралелі: Douhet, Dictionnaire des legendes du christianisme.

На сѣмъ кінчить ся і се „Слово“ і ціла книга. Чи много ще було дальше карток, не знати. Можна додумуватись однакож, що не много, бо якъ сказано при описі книги, она перехована досить добре, окладинки на ній грубі і сильні, тож і не легко її можна було ушкодити. Колибъ було инакше, то намъ требабъ жалувати, що такі цінні річи заграчують ся — може й на завсѣгди — на шкоду нашої літератури.

